

АЛЕКСАНДР ТРОГОН

КРЕПОСТЬ ДЬЯВОЛА

Александр Трогон

Крепость дьявола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68997958

SelfPub; 2023

Аннотация

В разгар Второй мировой войны ученые Третьего Рейха создали Сферу – прибор, превращающий людей в суперсолдат. Случайным образом под воздействие Сферы попали русский диверсант и нацистский офицер. Непримиримые враги, каждый из которых приобрел невероятные способности, вынуждены действовать сообща: сначала для того, чтобы спастись от преследования, потом – уже в наши дни – чтобы не дать властолюбивым военным вновь запустить фантастический механизм. Смогут ли два героя защитить тайну Сферы? И как они воспользуются обретенными сверхвозможностями – их даром и проклятием?

Содержание

Предисловие	4
Часть I. Случайный фактор	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	61
Глава 8	74
Глава 9	84
Глава 10	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Александр Трогон

Крепость дьявола

Предисловие

Март 2022 года. Наши дни

Профессор Ханс Фридрих Шильке с нежностью погладил кончиками пальцев рассохшуюся и выцветшую кожаную обложку дневника прадеда.

О наличии этой семейной реликвии Ханс Фридрих знал давно, однако в руки заполучил дневник только сейчас, после смерти бабушки, разгребая оставшиеся от неё документы, хранящиеся в нескольких коробках, спрятанных на верхней полке платяного шкафа, – семейный архив, старые фотоальбомы и прочая никому не нужная белиберда.

Бабка берегла дневник своего отца, словно это была редкая драгоценность, решительно не желая показывать его никому из родных. «Вот умру – тогда делайте, что хотите!» – частенько приговаривала старушка, что лично у Ханса Фридриха всегда вызывало приступ иронического смеха.

Ханс Фридрих только что закончил читать дневник, с трудом продираясь сквозь выцветшие и местами расплывшие-

ся до состояния абсолютной неразборчивости буквы, начертанные на пожелтевшей линованной бумаге.

События, описываемые в дневнике, относились, судя по всему, к периоду 1943–1944 годов и заканчивались на том месте, когда прадед отослал свою сильно беременную дочь – недавно почившую бабушку Ханса Фридриха – рожать «ублюдка» подальше от себя и его нового места службы – затерянного в баварских горах старинного замка, чьи хозяева уже пару столетий как гнили в земле. Прадед писал, что дочь наотрез отказалась назвать имя обрюхатившего её подонка, поэтому ему оставалось только догадываться, что отцом его будущего внука является кто-то из офицеров внутренней охраны замка. Прадед из соображений секретности не называл точные координаты места, в котором разместилась его исследовательская лаборатория, но, при желании, догадаться, где оно расположено, используя скудные описания, было все же возможно.

Все описываемые в старом дневнике подробности истории семьи Шильке, конечно же, были весьма любопытными, но Ханса Фридриха нисколько не трогали, до тех пор, пока он не наткнулся в тексте на упоминание засекреченного гитлеровской армией научного проекта, который возглавлял прадед Ханса.

В последних строчках своего дневника дед написал, что он стоит на пороге уникального открытия, которое перевернет все существовавшие до этого представления о человеке.

«Мы всего в одном шаге от качественного прорыва в наших исследованиях. Мое изобретение переломит ход этой ужасной войны, и мечта Фюрера о возрождении арийской нации вот-вот осуществится!»

Буквально пожирая глазами эти строки, Ханс Фридрих задумался. Раньше он не придавал особого значения семейной байке о том, что его прадед, будучи гениальным ученым в области физики и биологии, занимался засекреченными разработками нового супероружия и в результате сгинул бесследно где-то в горах Баварии ближе к концу Второй мировой войны.

«А вдруг все эти наши семейные легенды – правда? И прадед, действительно, создал оружие будущего? Нужно покопаться в нацистских архивах».

В голову Ханса Фридриха пришла внезапная идея, которую следовало срочно развить. Отыскав в телефоне нужный контакт, Ханс решительно нажал на вызов. Человек, которому он решил позвонить, был чрезвычайно опасен, однако обладал нужными связями, без которых зарождающийся авантюрный план господина Шильке был обречен на провал.

– Слушаю, – коротко ответили после второго гудка.

– Мне нужна Ваша помощь. Вы можете организовать доступ к засекреченным архивам «Аненербе»?

– Зачем? – раздалось в ответ после секундной паузы.

– Насколько я помню, Вы всегда живо интересовались нашей семейной историей, в частности – научными труда-

ми моего без вести пропавшего прадеда, – без лишних предисловий и расшаркиваний продолжил разговор Ханс Фридрих. – Так вот, я, кажется, знаю, над чем перед своим исчезновением работал мой прадед.

Часть I. Случайный фактор

Глава 1

Октябрь 1944 года

Высокий средневековый аристократический замок расположился в лесистой местности на скалистом отроге холма, возвышающемся над живописной долиной одной из многочисленных баварских рек. Толстые внешние стены крепости, казалось, выросли прямо из камня, сливаясь воедино со скалой, на которой уместился замок.

За несколько прошедших веков замок сменил несколько хозяев. В Средневековье это была фамильная резиденция одного из баварских баронов; затем, со смертью последнего знатного хозяина, замок приобрёл для своих нужд Мальтийский орден. В середине девятнадцатого века замок перешёл во владение баварского короля, который попытался спасти замок от разрушения и частично восстановил его сто лет тому назад, ещё в 1842 году.

Расположенная вдали от больших городов, в тихой сельской местности, крепость постепенно приходила в упадок,

поддерживаемая исключительно усилиями местной общины.

Все изменилось в одночасье, когда летом 1943 года на проселочной дороге, распугав степенно прогуливающихся неподалеку откормленных гусей, раздался грохот ревуших моторов колонны грузовиков, направляющихся в сторону старинного замка.

В крепости расположился гарнизон специальных войск СС.

Верхние помещения отвели высшим офицерским чинам и ученым, нижние комнаты и подвальные помещения переделали под казармы для солдат. На верхней смотровой площадке, к которой вела специальная винтовая лестница, построенная внутри главной башни, установили пулемётную установку. Отсюда, сверху открывался замечательный панорамный вид местных окрестностей, который, впрочем, не слишком трогал несущих круглосуточное дежурство сменных часовых.

Но самым примечательным в крепости являлись обширные подземные помещения замка, часть из которых была выбита в каменной породе. Низкие сводчатые потолки, застоявшийся запах гниения и плесени, гулкое эхо, гуляющее по тайным закоулкам – все это создавало ледящую душу атмосферу, мистическую и жуткую. Впрочем, то, что происходило в этих застенках, вполне ей соответствовало.

Чтобы попасть в подземелье, нужно было осторожно спу-

ститься по узкой каменной лестнице, чьи старинные ступени были сильно выщерблены и местами развалились. За прочной железной решеткой, закрытой на замок, круглосуточно находился вооруженный часовой, который отпирал решетчатую дверь, пропуская персонал внутрь, а затем, сразу же запирает ее снова.

Длинный сводчатый коридор, тускло освещенный электрическими лампами, ломаной линией змеился и разветвлялся подо всем зданием замка, постепенно уходя вниз под уклон. По правой стороне подземного тоннеля располагались отдельные помещения, вход в которые наглухо закрывали крепкие железные двери, некоторые из которых были оборудованы небольшими шторками, отодвинув которые, можно было заглянуть внутрь. Раньше здесь располагались крепостные казематы для пленников, и даже камера пыток с частично сохранившимися орудиями этого кровавого труда.

Вот и теперь подземелье регулярно наполнялось нечеловеческими криками и ужасными стонами, переходящими в завывания. Только причиной тому являлись не средневековые пытки, а невероятные эксперименты, материалом для которых служили пленные, которых эсэсовцы пригнали в крепость для строительства подземной лаборатории. Как только работы были завершены, часть пленников была пущена «в расход», а самых живучих и крепких военные отдали ученым.

Доктор Грубер стоял перед небольшим окном, выполненным из плексигласового стекла, и наблюдал через него за слаженными действиями своих помощников, находившихся в смежном помещении. Он уже настроил всю аппаратуру и был готов начать очередную фазу эксперимента.

Прибор был установлен в центре изолированной камеры, экранированной специальными отражающими панелями.

Первое, что бросалось в глаза – это медицинское кресло – такие обычно используют в зубоврачебных кабинетах, – к которому было подведено бесчисленное множество кабелей и цветных проводов. В кресле сидел мужчина, обритая голова которого была утыкана многочисленными вживленными электродами и иглами. Его руки и ноги были накрепко пристегнуты толстыми кожаными ремнями, а голова зафиксирована в статичном положении специальными тисками. Вокруг него суетились два человека в медицинских халатах, прилаживая к голове и другим частям тела страдальца, помещенного в данное кресло, специальные датчики и катетеры. Мужчина находился в сознании и с диким, невероятным ужасом смотрел на своих мучителей.

Когда основные приготовления были завершены, доктор Грубер нажал на кнопку, и в соседнем помещении сверху вниз начала опускаться загадочная полусфера, внутренняя

поверхность которой, если присмотреться, состояла из множества разрозненных фрагментов, выложенных мозаикой. Полусфера зависла над испытуемым, прикрыв собой только его череп и верхнюю часть туловища, примерно по грудь.

Медицинский персонал незамедлительно покинул камеру, свет внутри погас, и доктор Грубер, довольно улыбнувшись, включил напряжение.

Камера, погружившаяся во мрак, постепенно начала наполняться странными звуками и вибрациями, исходящими, казалось бы, отовсюду одновременно.

Доктор Грубер проверил показания приборов и усилил мощность. Через пять минут в лаборатории засигналила аппаратура, отвечающая за жизненные функции испытуемого: у него начались конвульсии, тело начало изгибаться дугой, как если бы через него пропустили электрический разряд невероятной силы. Мужчина издал нечеловеческий крик, проникающий даже через толщу каменных стен.

Полусфера начала светиться, от нее отражались цветные всполохи – словно в камере возникло северное арктическое сияние. Датчики взорвались тревожным зуммером, указывая на все возрастающее внутричерепное давление и опасное повышение температуры тела испытуемого.

Затем все внезапно прекратилось, будто кто-то резко вырубил невидимый рубильник; подопытный перестал биться в конвульсиях и затих.

Доктор Грубер отключил приборы и быстрым шагом, по-

чти бегом, направился в соседнее помещение.

Когда включили свет, всем присутствующим в камере открылось жуткое, незабываемое зрелище! Перед ними, в кресле сидел мертвец с телом здорового молодого мужчины и головой тысячелетней мумии.

Глава 2

Лететь пришлось в грозу, при нулевой видимости. Чернильное небо то и дело прорезали яркие зигзаги молний, метящие в надрывно ревущие моторы Ли-2.

Самолет без опознавательных знаков и с выключенными сигнальными огнями, выкрашенный в защитный болотный цвет, пробивался сквозь плотную завесу туч, с трудом справляясь с завывающим порывистым ветром и непрерывно набегающими, одна за другой, дождевыми волнами.

На борту самолета, крепко вцепившись в поручни, стараясь справиться с сильной болтанкой, находилось пятеро советских десантников. Командование поставило им особо важную боевую задачу – вывезти с территории фашистской Германии агента советской разведки, в чьи руки попали особо ценные документы проводимых немцами экспериментов по разработке нового сверхсекретного оружия – атомной бомбы.

Операция была распланирована практически безупречно. Самолет прикрывала группа тяжелых бомбардировщиков, задачей которых являлось отвлечь на себя внимание противника. Даже неблагоприятные погодные условия, по идее, должны были сыграть на руку спецгруппе.

Однако сразу после пересечения границы что-то пошло не так. То ли разведка предоставила неточные данные, то ли

пилот ошибся в навигации, но самолет вылетел прямой наводкой на позиции наземного ПВО противника. На Ли-2 обрушился шквал выстрелов из зенитных орудий, и пилот был вынужден немедленно уходить с линии огня, все больше отклоняясь от заданного маршрута.

Попавший под обстрел ПВО самолет был вынужден сильно уклониться от первоначально намеченного курса, уходя все дальше в горы. Однако и здесь самолет засекали радары противника: череда трассирующих пулеметных пуль разорвала небо в клочья и ударила в днище боевой авиамашины, пробив бензобак. Самолет загорелся. Группа десантников, находящаяся внутри, приготовилась прыгать.

Командир диверсионной группы рванул ручку открывания люка.

– Первому приготовиться. Пошел, пошел!

Диверсанты начали по очереди прыгать вниз, командир шел замыкающим. На прощание он отсалютовал пилоту, который, вцепившись в штурвал, пытался удержать самолет, попавший в болтанку, на нужной высоте.

Вскоре в небе раскрылось пять парашютов: советский диверсант начал приземление в абсолютно незнакомой местности, где-то в баварских Альпах.

Полыхающий и дымящийся самолет пролетел еще пару километров и врезался в возникший на его пути вертикальный горный пик. Пилот постарался увести боевую машину как можно дальше от места высадки парашютистов, чтобы их

нежданное появление не было сразу обнаружено немцами. Звук мощного взрыва разнесся далеко вокруг, многократно отразившись от скал и распугав мирно уснувших глухарей. Небо вокруг окрасилось в пурпурный огненный цвет, ярко расцветив ночную мглу.

* * *

Ветер надрывно гудел в ушах, проникая сквозь шлем, крупные капли дождя больно хлестали в лицо. Парашют несло в сторону густого подлеска, расположившегося на одном из невысоких горных склонов.

Внезапно гроыхнуло, и на глазах у парашютиста впереди сверкнула белесая молния, пройдясь по небу вертикальным зигзагом и ненадолго осветив окружающую местность. В этот момент мужчина успел разглядеть в темноте зубчатые башенки и черепичную скатную крышу примостившегося на скале старинного замка. В голове мелькнула какая-то мысль, но тут же исчезла – парашютисту было не до размышлений, он заметил надвигающуюся опасность – кроны все еще одетых в густую листву деревьев приближались с неумолимой скоростью. Натянув стропы парашюта, он начал маневрировать, направляясь в намеченный просвет между деревьями для приземления.

Десантник упруго приземлился на полусогнутых в коленях ногах на пологий каменистый склон. Купол парашюта

в последний момент все-таки запутался в корявых ветвях и безвольно повис на них.

Старший лейтенант Юрий Ремизов высвободился из стягивающих его парашютных лямок и, развернувшись, с силой дернул стропы, чтобы высвободить парашют из зеленого плена. Ткань хрустнула, разрываясь, но дальше этого дело не пошло. Чертыхнувшись, старший лейтенант был вынужден оставить парашют в покое, обрезав стропы и спрятав поблизости, под одним из валунов, остатки снаряжения, забросав их листвой, – пора было выдвигаться дальше. Ему еще предстояло отыскать в лесу своих товарищей, приземлившись где-то поблизости.

Стараясь не шуметь, Юрий направился в ту сторону, где по его прикидкам должны были находиться остальные члены их спецгруппы. Осторожно ступая, выбирая каменные валуны и уступы вместо мягкой рыхлой земли, чтобы оставлять за собой как можно меньше следов, он прошел таким способом почти километр, прислушиваясь к окружающим его ночным шорохам и звукам.

Внезапно прозвучавший в ночной тишине тихий свист заставил Юрия обернуться на звук. В кустистых зарослях показалась знакомая яйцеобразная бритая башка вечного балагура, радиста Яшки Зимина. Ремизов нырнул к нему под прикрытые листья. Рядом практически слился с местностью, залегший на земле с автоматом наизготовку сержант Лёшка Дубинин, замечательный спортсмен – легкоатлет в довоен-

ные годы, ушедший на фронт добровольцем в 1941 году, в самом начале грянувшей войны.

– Уф, наконец-то я вас нашел, – еле слышно выдохнул с облегчением Юрий.

– Почти все в сборе, – кивнул в ответ Яшка. – Вот только Фомича нашего нигде не видно.

– Он прыгал самым последним, сразу после тебя, значит, его не должно было отнести слишком далеко от места вашей высадки, – озабоченно прошептал Ремизов. – Нужно его найти, и срочно, пока не рассвело. Вы слышали, как гроыхнуло, когда самолет взорвался? А раз, слышали мы, то и немцы тоже слышали. Утром они начнут прочесывать местность в поисках выживших. Нас будут искать.

* * *

Территорию поиска разбили на квадраты и начали обход – каждый – своего намеченного участка. Капитана обнаружили метрах в трехстах от места встречи группы – Фомич (так их диверсионный отряд любовно называл своего бессменного вот уже три года командира) был мертв. Неудачное приземление стоило ему жизни. Из груди Фомича торчал расщепленный на конце, окровавленный древесный сук, который проткнул тело капитана насквозь, пригвоздив к земле.

– Странно. Такой опытный мужик, как Фомич, не мог вот так глупо погибнуть, – задумчиво проговорил, потирая

подбородок, крепко сбитый, степенный сибиряк лет тридцати пяти. С легкой руки смешливого Яшки звучное, исконно русское имя – Степан Пантелеймонович (так звали сибиряка) – быстро сократили до Пантелея. Прозвище прижилось и прилипло к хозяину намертво. В диверсионной группе Пантелей являлся кадром бесценным, потому как был прирожденным следопытом и стрелял всегда без промаха, почти не целясь.

Юрий Ремизов присел перед телом на корточки и начал его осматривать. Даже в густой темноте было заметно, что для такой ужасной раны вокруг тела Фомича натекло нехарактерно мало крови. Присмотревшись, Ремизов обнаружил нечто странное. Юрий осторожно снял шлем с головы Фомича. Все лицо капитана представляло собой узор из многочисленных мелких ожогов, а лицо казалось сильно перекошенным, словно его свело судорогой.

– Судя по всему, он погиб еще в полете, от удара молнии, – предположил старший лейтенант. – Наверное, сердце остановилось.

Ремизов ладонью смежил Фомичу веки, после чего поднялся на ноги. Мужчины скорбно потупились, отдавая товарищу последнюю дань уважения минутой молчания.

– Тело нужно спрятать. Документы и карту заберем с собой, – отдал распоряжение Ремизов, автоматически возглавив, после гибели товарища капитана, их диверсионную группу.

Фомича похоронили, наскоро выкопав неглубокую могилу, обложив ее найденными поблизости камнями, а сверху забросав зеленым лапником. Теперь группе предстояло разрешить невыполнимую задачу: остаться в живых в глубоком тылу врага, в совершенно незнакомой местности и без связи, – при приземлении Яшка, отвечающий за рацию, случайно грохнул ее об острый каменный уступ. Аппаратура в результате «приказала долго жить».

Ближе к рассвету гроза стала утихать, ливень постепенно перешел в накрапывающий мелкий дождик, а пронизывающий промокших почти насквозь солдат ветер, наконец, соизволил поменять свое направление и дать бойцам некоторую передышку.

Ремизов, усевшись на покатый мшистый валун, вынул карту и начал прикидывать их примерное месторасположение.

– Значит так: последние известные нам координаты – этот район, – Юрий обвел большим огрызком карандаша круг на карте. – Самолет разбился примерно в двух – двух с половиной километрах от места нашей высадки.

Сделав в уме подсчеты, Ремизов провел пунктирную линию, определяя место гибели самолета.

– Угу, значит, мы сейчас, где-то здесь, – пробормотал он

себе под нос, обводя новый кружок на карте.

К старшему лейтенанту бесшумно подошел Пантелей. Он присел рядом на валун, положив тяжелый автомат плашмя себе на колени.

– Что будем делать, командир? – спросил он вполголоса, не глядя на Юрия.

– Картина вырисовывается следующая: мы – в самой, что ни есть, баварской глубинке, и Яшка разломал рацию, – стараясь не выдавать охватившей его внутренней паники, нарочито спокойным тоном изложил сложившуюся ситуацию Ремизов.

– Без связи нам – хана, – коротко, но ёмко констатировал сибиряк.

– Нам нужно на время затаиться и переждать возможную облаву, а там – видно будет, – предложил Ремизов. – Наверяд ли в этой глуши расположены регулярные военные части. Тут, недалеко, есть старая крепость – я заметил с воздуха. Там пока и засядем.

Глава 3

Доктор Клаус Грубер, яростно вцепившись в угловую поверхность массивной столешницы резного письменного стола, угрожающе склонился над вжавшейся в кресло с высокой спинкой совсем еще молоденькой девушкой. Она обхватила себя за худенькие плечики обеими руками и глядела на господина Грубера снизу-вверх вытаращенными в испуге, заплаканными глазами.

– Как ты могла? – в бешенстве рычал доктор Грубер. – Моя дочь – гулящая девка, а ведь тебе не исполнилось еще и восемнадцати! Кто этот подонок, который заделал тебе ребенка? Я убью его!

– Отец, прошу тебя! Мы любим друг друга! – в отчаянии выкрикнула девушка, еще больше вжавшись в обтянутое кожей сиденье кресла и непроизвольно обняв обеими руками уже заметный животик, словно пытаясь защитить то, что росло у нее внутри. Больше всего ей хотелось сейчас исчезнуть, раствориться в пространстве, только бы не слышать этих жестоких слов обвинений, которые, подобно змеиному яду, выплевывал из себя доктор Грубер.

– Так ты назовешь мне его имя? – еще больше нависал над дочерью доктор. – Мария, я приказываю тебе!

В ответ девушка лишь отрицательно замотала головой и зажмурилась, чтобы не видеть реакции отца. Она прекрасно

знала, что отцовские угрозы не являются пустым звуком, и наказание будет очень суровым.

Доктор Грубер являлся человеком жестоким и беспощадным, даже для своих домочадцев – в детстве Мария не раз оказывалась свидетельницей приступов отцовского гнева, который обрушивался на её мать и домашнюю прислугу. Доктор не гнушался и рукоприкладства.

Вот и в этот раз, он уже было замахнулся на дочь, намереваясь дать ей жесткую пощечину, как в кабинет без стука ворвался чрезвычайно взволнованный младший офицер охраны.

– Доктор Грубер, Вас срочно вызывает к себе оберштурмбанфюрер Гаус.

– Это не может подождать? – недовольно отозвался Клаус Грубер, оглядываясь через плечо.

– Никак нет! Дело не терпит отлагательства, – шелкнул каблуками офицер.

– Иди к себе и не смей выходить, пока я не решу, что с тобой делать дальше, – прошипел на ухо дочери доктор Грубер, после чего резко развернулся и стремительно вышел из кабинета.

Мария осталась одна в большом, наполненном старинной резной мебелью и развешанными по стенам цветными гобеленами ручной работы, личном кабинете отца, замерев на одном месте и пытаясь собраться с разбегающимися мыслями. В голове возникли воспоминания, с чего же все это на-

чалось.

* * *

Уважаемый профессор Берлинского университета, Клаус Грубер был страстно увлечен наукой и фанатично предан Третьему Рейху, и воспитанием единственной дочери практически не занимался до тех пор, пока полгода тому назад ему не пришло трагическое известие о смерти супруги от острого туберкулеза. Здравомысленно рассудив, что негоже оставлять молодую девушку одну, без присмотра, в находящемся на военном положении Берлине, доктор Грубер, хотя и не слишком охотно, но все же забрал ее к себе.

Очутившись в старинном замке, куда ее привезли тайно, под покровом темноты и с завязанными глазами, Мария, по сути, стала еще одной его пленницей. Покидать пределы крепости ей не дозволялось, и девушка отчаянно скучала. Со всем еще юная, белокурая немка была единственной особой женского пола в гарнизоне, если не считать пожилой глуховатой кухарки из местных, которая старалась не покидать пределы своей кухонной вотчины и боялась новых обитателей замка, как огня.

Марию можно было бы назвать даже хорошенькой, если бы не тяжеловатая нижняя челюсть, унаследованная от отца. Зато у нее была ладная фигурка, подчеркнутая женственными приталенными платьями «в цветочек», а в её глазах неж-

но василькового цвета можно было запросто утонуть, лишь однажды заглянув в их загадочную глубину.

В дела доктора Грубера Мария не вникала, да ей бы и не разрешили. Гулять по замку можно было тоже только по строго определенному маршруту, ни в коем случае даже не пытаясь спуститься в подвальные помещения, которые неусыпно охранялись военными. Офицеры поглядывали на нее с интересом и даже некоторым вождением, но приставать боялись, получив на этот счет от руководства четкие и недвусмысленные указания. Поэтому основным ее развлечением стало чтение – благо в замке оказалась огромная библиотека, собранная, по всей видимости, ни одним поколением владельцев этой мрачной каменной крепости.

Погрузившись в мир фантазий и девичьих грез, представленная сама себе, Мария страстно желала любви – такой же всеобъемлющей и прекрасной, как это описывалось в романах, которыми она зачитывалась. Оставалось только выбрать объект своего романтического внимания, которым вскоре стал двадцатипятилетний красавец оберштурмфюрер – Фридрих Леманн. Молодой человек происходил из почтенной семьи германских фабрикантов, получил хорошее образование и подавал большие надежды.

Девушка настойчиво попадалась молодому офицеру на глаза, постоянно придумывала разные, самые незначительные поводы, чтобы обратиться к нему, и в конечном итоге, добилась его внимания. Внезапно вспыхнувшие чувства,

страстные поцелуи украдкой в укромных уголках замка, в результате привели к неизбежному – Мария обнаружила, что ждет ребенка. Узнав об этом, Фридрих откровенно испугался.

– Господи, что же нам теперь делать? Сколько у тебя уже месяцев?

– Почти шесть. Я не сразу поняла, что со мной происходит. Но ты не волнуйся! Я поговорю с отцом, и мы поженимся, – наивно улыбаясь, ответила ему Мария.

– Ни в коем случае! – схватился за голову Фридрих. – Ты не понимаешь – твой отец – ужасный человек, ты многого о нем не знаешь. Он просто уничтожит меня!

Улыбка медленно сползла с лица девушки, её васильковые глаза в одно мгновение потухли, наполнившись слезами.

– Не бойся – я никому не скажу, кто – отец ребенка! – твердо произнесла Мария, посильнее запахнув на груди объемную вязаную кофту – ей внезапно стало очень холодно.

* * *

Оберштурмбанфюрер Гаус стоял у большого сводчатого окна своего кабинета, спиной к входной двери, скрестив руки на груди. Он был крайне взвинчен. Согласно донесению, сегодня ночью в окрестностях замка разбился вражеский самолет. Отзвуки взрыва не на шутку испугали население местной деревеньки, расположившейся неподалеку, у подно-

зия скалы, на которой возвышалась крепость. Весь гарнизон замка был поднят по тревоге.

Взвод солдат СС немедленно отправился к месту взрыва. Предварительный осмотр обломков показал, что это был Ли-2 советского производства, без нанесенных на корпусе опознавательных знаков.

Сначала солдаты нашли только сильно обгоревшие трупы пилотов. Позже, прочесывая местность в районе гибели самолета, военным также удалось обнаружить в паре километров от места аварии обрывки парашюта, застрявшие в густых древесных зарослях. Это, однозначно, указывало на то, что из горящего самолета сумел спастись, по крайней мере, один человек. К величайшему неудовольствию оберштурмбанфюрера, все следы, оставленные неизвестным парашютистом, размыло после прошедшего накануне сильного ливня, и теперь оставалось только гадать, в каком направлении он скрылся.

«Совпадение или спланированная акция?» – рассуждал герр Гаус. – «Почему именно сейчас, когда мы отослали донесение руководству «Аненербе» о качественном прорыве в исследованиях доктора Грубера?»

Сзади, на почтительном расстоянии от оберштурмбанфюрера, стоял оберштурмфюрер Фридрих Леманн. Его взвод отвечал за безопасность внешнего периметра, а также охрану пленных, которых регулярно доставляли в замок для использования в экспериментах доктора Грубера. Фридрих

только что закончил докладывать о ночном происшествии и результатах поисковой операции, и сейчас терпеливо ждал приказаний.

Неожиданно входная дверь распахнулась, и в кабинет вошел безо всякого предупреждения, собственной персоной, начальник лаборатории – Клаус Грубер.

– В чем, собственно, дело? Зачем Вы меня вызвали, герр Гаус? – доктор почти кричал. Было заметно, что он чем-то страшно раздосадован.

Фридрих непроизвольно вздрогнул при появлении господина Грубера.

«Он знает. И сейчас расскажет обо всем оберштурмбанфюреру», – подумал он.

Однако скоро выяснилось, что Фридрих ошибся в своих предположениях. И доктору, и начальнику гарнизона в настоящий момент не было абсолютно никакого дела до амурных походов оберштурмфюрера Леманна.

– Полагаю, что Вы еще не в курсе, что сегодня ночью рядом с нами разбился самолет русских?! – повернулся к вошедшему ученому оберштурмбанфюрер Гаус.

– И что все это значит? – равнодушно любопытствовал доктор Грубер.

– А то, что существует вероятность, что в окрестностях замка бродит советский диверсант, – взорвался начальник гарнизона.

Рассуждая логически, оберштурмбанфюрер Гаус принял решение не тратить силы гарнизона замка на поиски неизвестного парашютиста, наверняка укрывшегося где-то в горах. Начальник крепости посчитал, что рано или поздно советский диверсант сам себя обнаружит. Достаточно просто проявить терпение и быть наготове – и они уничтожат врага.

Получив, наконец, указания оберштурмбанфюрера усилить охрану замка, выставив дополнительные вооруженные посты, Фридрих с нескрываемым облегчением ретировался из начальственного кабинета.

Свое назначение в элитное подразделение СС оберштурмфюрер Леманн поначалу воспринял, как обнадеживающий старт военной карьеры. Однако когда его отправили в провинцию, обеспечивать охрану сугубо гражданского персонала, Фридрих начал осознавать, что новые нашивки ему в обозримом будущем не светят.

«Сейчас, когда наши патриоты, героически сражаются на фронте, получая ордена за храбрость, я должен нянчиться с этими учеными в белых халатах и закапывать трупы, оставшиеся от их неудачных экспериментов», – так поначалу рассуждал Фридрих.

При этом сводки с фронтов поступали неутешительные, и все чаще офицерами высказывались мнения, что эта война

Германией уже почти проиграна. А раз так, то уж лучше отсидеться в тылу, вместо того, чтобы попасть в пекло Восточного фронта. Это соображение несколько примиряло Фридриха с бездарным назначением, которое он воспринимал, как ссылку.

Выйдя во внутренний двор крепости, Фридрих громко приказал солдатам построиться и кратко ввел подчиненных унтер-офицеров в курс дела. Третий взвод должен был немедленно начать прочесывать окрестности: для начала, ему предстояло провести повальный обыск в местной деревне, расположенной у границ гарнизона.

– Взбодрим местных фермеров, – бодрым тоном напутствовал солдат Фридрих. – А то, они в последнее время что-то очень осмелели, позволяют себе возражать солдатам Вермахта, когда мы требуем от них пополнить запасы продовольствия в замке. Жалуются, что мы у них реквизируем скот.

В ответ среди солдат прокатилась волна одобрительных глумливых смешков.

Остальные два взвода оберштурмфюрер обязал оцепить периметр замка, так сказать «на всякий случай». Крепость готовилась к приему неожиданных «гостей».

Глава 4

Начинался рассвет. Небо затянули низкие сизые облака, и хотя дождь прекратился, воздух был наполнен сыростью, а земля под ногами раскисла – циклон не спешил без боя сдавать свои позиции. Холодный ветер пронизывал промокших людей насквозь, не давая согреться. Отряд Ремизова вереницей, стараясь ступать след в след, отправился выше в горы, рассчитывая найти там временное укрытие и переждать возможную облаву нацистов.

Спустя час пешего перехода, товарищи нашли отличное место для привала. В одном из горных ущелий, чьи крутые скалистые склоны почти сплошь поросли изумрудным мхом и лишайником, команда обнаружила широкий каменный карниз, за которым скрывалась от посторонних глаз глубокая природная ниша. С одной стороны площадки почти вертикально вниз низвергался горный водопад, а с другой – примостились, накренившись, ели и сосны, чьи толстые крепкие корни извивались между камней, а кряжистые раскидистые ветви создавали импровизированный природный полог. Цепляясь голыми руками за уступы и древесные корни, товарищи, осторожно, стараясь ненароком не поскользнуться, вскарабкались наверх.

Естественное укрытие хорошо защищало от холодных порывов ветра, и отряд Ремизова смог, наконец-то, позволить

себе передохнуть и обсохнуть. Костер разводить было слишком рискованно – дым могли заметить даже издалека, поэтому все четверо, сняв заплечные рюкзаки, расположились на камнях, и принялись уплетать сухой паек.

Старший лейтенант с любопытством осмотрелся по сторонам: их окружала потрясающая красота – девственно нетронутая природа, летящие в лицо мелкие ледяные брызги, разбрасываемые бурлящим водопадом, многовековые валуны, стоящие на страже времен. Даже не верилось, что где-то совсем близко идет жесточайшая война, и гибнут люди.

Пантелей, между тем, украдкой поглядывал на командира, оценивая его, как бы со стороны: симпатичный молодой мужик лет двадцати пяти, спортивного телосложения, вымахавший прилично за метр восемьдесят, с коротко стриженным, жестко топорщащимся «ёжиком» темных волос и умными серо-голубыми глазами, пытливо взирающими на окружающий мир.

* * *

Фамилия Ремизов досталась Юрке от его приемного отца – сотрудника московского уголовного розыска, рискнувшего забрать вечно чумазого, но шустрого и сообразительного беспризорника с улицы к себе домой, поселив на кушетке в своей комнате в одной из многочисленных московских коммуналок.

Вплотную занявшись перевоспитанием мелкого гопника, которым Юрка, собственно, и являлся до своего усыновления, отец заставил парня засесть за учебу, а также отвел в секцию спортивного самбо. Кроме того, у Юрки неожиданно обнаружились врожденные способности к изучению иностранных языков. К концу школы парень уже свободно изъяснялся на немецком и английском языках.

Отучившись, Юрка пошел по стопам своего приёмного отца, которого бесконечно уважал и искренне любил. Окончив военную спецшколу (САШ) с отличием, юный Ремизов поступил на службу в милицию, откуда и был в октябре 1941-го мобилизован на фронт.

Изучив московские подворотни и проулки вдоль и поперек, набегавшись от милиционеров и местных бандитов по крышам и чердакам, насмотревшись на пьяные поножовщины и беспощадные кулачные драки, Юрка научился выживать, нутром чувствуя приближающуюся опасность. Ловкость рук, молниеносная реакция вкупе со знанием немецкого языка, тут же привлекли внимание армейского начальства к молодому офицеру, и Юрка Ремизов в мгновение ока очутился в разведгруппе, а со временем стал опытным диверсантом.

* * *

Решив для самого себя, что старший лейтенант Реми-

зов станет достойной заменой погибшему Фомичу, Пантелей удовлетворенно кивнул.

– Командир, предлагаю сделать вылазку. Нужно осмотреться, прикинуть пути отхода, на всякий случай, – деловито предложил он старшему лейтенанту.

– Поддерживаю, – согласно кивнул Ремизов. – Яша! Вы тут с Лёшкой пока караульте, а мы с Пантелеем – на разведку.

– Да что тут караулить? – гоготнул Яшка. – Если только какое зверье мимо пробежит.

При этом автомат уже оказался у Зимина в руках.

Ремизов на шутку реагировать не стал. Яшка, сколько Юрий его знал, всегда был таким: неунывающий балагур, во всем находящий положительные стороны. И при всем этом – верный товарищ и отличный боец.

Забросив рюкзаки на плечи, старший лейтенант и Пантелей оставили свое надежное укрытие и уже через пару минут исчезли в лесу.

* * *

Старинный замок, будто сошедший со страниц книжки про рыцарей, возник перед глазами внезапно, словно ниоткуда. С высоты он четко просматривался: в бинокль можно было рассмотреть и высокую сторожевую башню, и грязновато-серые стены самого замка, в некоторых местах увитые

плющом.

– Посмотри, – Ремизов передал бинокль Пантелею. – Видишь пулеметчиков? И на стенах выставлены посты, я насчитал навскидку человек десять.

Пантелей принял бинокль и начал внимательно вглядываться вдаль.

– М-да... – задумчиво крикнул сибиряк. – Кто бы мог подумать, что в такой глуши расположится целый гарнизон. Жаль, что отсюда не видно внутренний двор, а то бы прикинули, сколько человек охраняет эту крепость.

Диверсанты выбрали наблюдательный пункт, спрятавшись за скалистым уступом, заросшим пробившейся сквозь мелкую сетку каменных трещин и выбоин травой. Отсюда открывался отличный вид сверху на деревню и подъездную дорогу, ведущую к замку. Ветер донес до спрятавшихся в засаде мужчин раздающийся вдалеке шум тарахтящих мотоциклетных моторов и отдельные обрывки гортанных выкриков немецких солдат, рассыпавшихся по окрестности.

– Дай-ка бинокль обратно! – потребовал Ремизов, обращаясь к Пантелею.

Вглядевшись в окуляры, Юрий увидел, что в деревне высадился, по крайней мере, один взвод солдат в характерной униформе войск СС.

– Чёрт побери, что же это за место такое странное? – выругался Ремизов.

Между тем, солдаты окружили деревню, заглядывая в

каждый дом, обыскивая испуганных и беспомощных жителей.

– Не нас ли, часом, ищут, командир? – прищурился Пантелей.

Внезапно, воздух взорвался истошным воплем – это голосила крепкая бойкая бабёнка, вцепившись в руку одного из двух солдат, волоком тащивших крупную свинью, которую они только что поймали на заднем дворе.

Бабёнка буквально повисла на похитителе свиньи, пытаясь отнять свое сокровище. Однако закончилась вся мизансцена довольно плачевно: солдат с силой лягнул женщину, сбросив с себя, а его товарищ, оказавшийся рядом, пнул упавшую на колени бабенку по ребрам – видимо, в назидание. Женщина повалилась на землю и зарыдала. Ее соседи, тоже пострадавшие от мародеров в погонах, стояли, сбившись в кучу, в ожидании, когда весь этот кошмар закончится.

* * *

Решив, что собранной информации о месте дислокации немцев вполне достаточно, советские диверсанты медленно отползли назад, покинув свой наблюдательный пост. Надвигались сумерки, снова начало накрапывать, и товарищи ускорили шаг, направляясь обратно к остальным членам своей группы.

На полпути Пантелей остановился и обернулся к идущему вслед за ним Ремизову.

– Присядем, командир! Разговор есть, – с этими словами Пантелей сошел с еле заметной горной тропы и расположился на стволе поваленной ольхи, усевшись на него верхом.

Ремизов пристально поглядел на сибиряка и, убедившись, что тот настроен очень серьезно, последовал его примеру, ловко усевшись на поваленное дерево.

– Ты понимаешь, что мы все – уже мертвецы?! – неожиданно жестко заявил Пантелей.

– Я так просто не сдамся, – процедил сквозь зубы Ремизов.

– Дурак ты, товарищ старший лейтенант! – смачно сплюнул вбок Пантелей. – Мы задание партии не выполнили. Даже если мы отсюда выберемся каким-то чудом, то свои нас за срыв поручения государственной важности по головке точно не погладят.

– Значит, нам нужен подвиг, – задиристо ответил Ремизов. – Захватим одного из офицеров в этом самом замке... – Юрий мотнул головой в ту сторону, где располагалась старая крепость, – ...и получим от него важные разведданные. Ты ведь тоже уже догадался, что здесь спрятан какой-то секретный объект.

– Ну, бог в помощь, – хлопнув себя по бедрам, натужно вздохнул Пантелей, поднимаясь с места.

– Я – советский человек и в бога не верю! – огрызнулся Ремизов.

– А вот это, ты зря! – поучительно произнес уже начавший сидеть на висках Пантелей. – С верой-то оно и жить полегче, и умирать – не так страшно.

* * *

– Такое вот предложение, – закончил излагать свои соображения Ремизов.

– Нужны точные сведения, сколько человек находится внутри крепости, – неожиданно подал свой голос вечный молчун Лёшка Дубинин. – Один взвод вы с Пантелеем уже видели, когда они рыскали в деревне, еще человек десять-двенадцать насчитали на крепостных стенах. Итого – уже человек шестьдесят набирается. А нас – только четверо.

– Окопались они знатно, – поддакнул Пантелей. – С наскака туда не прорваться – нужен план крепости.

Радист Яшка Зимин вдруг поднялся с корточек и, отряхнувшись от налипшей грязи и хвойных иголок, плотно усыпавших каменный пол природного грота, начал куда-то собираться.

– Яш, ты куда? – всерьез разволновался Ремизов.

– Пойду в деревню прогуляюсь, – необычно серьезным то-

ном ответил Зимин. – Вы же сами сказали, что фрицы оттуда уже давно уехали, так что я быстренько туда сгоняю. Заодно пожрать раздобуду, а то мы на сухом пайке долго здесь не протянем.

– Я с тобой пойду, – безапелляционно заявил Дубинин, закинув автомат себе на плечо. – «Языка» вдвоем тащить сподручнее будет.

Эта парочка – Яшка Зимин и Лешка Дубинин – уже давно стали неразлучными друзьями. Трудно было представить двоих столь непохожих друг на друга и внешне, и по темпераменту людей. Между тем, оба парня замечательно дополняли друг друга, понимая с полуслова, что очень помогало им при выполнении боевых заданий в тылу врага.

– Я смотрю, вы, товарищи офицеры, уже все сами решили, – немного обиженно констатировал старший лейтенант Ремизов.

– Юр, да ты не волнуйся – не из таких передраг выбирались! – подмигнул Ремизову Яшка, перед тем, как шагнуть в окутавший ночной лес густой влажный туман.

* * *

– Уже почти сутки прошли, а ребята до сих пор не вернулись, – не находил себе места от беспокойства Ремизов.

– Подождем еще немного. Может, они малость заплутали, или отсиживаются где-то в укрытии до темноты, – рассуди-

тельно произнес Пантелей, хотя и у него на душе «кошки скребли».

В этот момент в кустах неподалеку раздалось странное шуршание. Оба товарища услышали, как из-под чьих-то ног вниз посыпались мелкие камешки – к гроту совершенно точно кто-то приближался.

Ремизов тут же отреагировал, заняв боевую стойку и вытащив из рукава диверсионный нож. Пантелей мгновенно укрылся за каменным нагромождением, также приготовившись защищаться.

Через минуту в проеме появилась человеческая тень. Ремизов уже приготовился сделать захват –годились навыки спортивного самбо, которым он увлекался до войны, – но тут тень буквально свалилась ему под ноги, тяжело упав на колени.

Тяжело дыша и выставив правую руку открытой ладонью вперед, будто подавал знак «Стоп», Лёшка Дубинин прохрипел: – Свои.

Ремизов вздохнул с видимым облегчением и убрал нож обратно в рукав куртки. Пантелей вышел из укрытия, и присел перед товарищем на корточки.

– Ты не ранен? – заботливо спросил он Лешку.

– Нет, – тот отрицательно замотал головой, все еще стоя на четвереньках и приходя в себя.

– А Яшка где?

– У немцев, – еле слышным шепотом произнес Дубинин,

а затем заплакал.

* * *

Немного успокоившись и взяв себя в руки, Лёшка рассказал товарищам, что произошло.

В деревню они с Яшкой спустились без приключений. На дворе стояла глухая ночь, поэтому свет в окнах уже нигде не горел, за исключением одного дома, расположенного, как раз, на отшибе. Подкравшись поближе, друзья осмотрелись и, не заметив ничего подозрительного, двинулись дальше, решив потихоньку заглянуть в освещенное окно.

Внутри обнаружилась вполне мирная сцена: за деревянным столом, накрытым льняной скатертью, сидел, сгорбившись и подперев голову рукой, чей локоть упирался о столешницу, полноватый мужик средних лет в смешных широких штанах на подтяжках. Перед ним стоял наполовину уже опустошенный графин с вином и высокий стеклянный стакан. Поблизости больше никого не было видно, поэтому Яшка предложил выманить подвыпившего немца на улицу, где его и скрутить.

Лёшка встал за дверь, приготовившись к нападению, а Яшка поднялся на крыльцо и постучал. Хозяин откликнулся не сразу. На его резонный вопрос «кто там притащился так поздно», Зимин нахально, на вполне приличном немецком, пробормотал что-то типа «Открывай, сосед». Внутри

раздался шум отодвигаемого тяжелого стула и приближающиеся шаги. Деревянная дверь резко распахнулась, чуть не треснув Лёшку по лбу, а затем разверзся ад.

В деревне была организована засада, их ждали. Пьяный фермер, услышав стук в дверь, испуганно поднял свои мутные затравленные глаза и посмотрел в дальний угол комнаты, где затаились с оружием наизготовку вооруженные солдаты Вермахта.

Используя эффект неожиданности, они напали на Яшку, пытаясь взять его живым. Лёшка попытался отбить друга, завязалась отчаянная перестрелка, в результате которой немцы ранили Яшку в двух местах, прострелив ему голень и правое бедро, так, что он упал, зажимая рукой одну из ран, и уже не смог самостоятельно передвигаться. Лёшка бросился ему на помощь, но было уже поздно. Немцы окружали обоих диверсантов со всех сторон, выбегая из соседних строений. Как оказалось, немцы продумали все до мелочей: призывно светящиеся окна дома на краю деревни были всего лишь приманкой.

Бросив прощальный взгляд на истекающего кровью товарища, лежащего на земле с угрожающе наставленными на него дулами армейских винтовок, Лёшка с жутким криком отчаяния выпустил автоматную очередь в наступающих на него бойцов и, расстреляв двоих из них, пробился через окружение. Петляя и пригнувшись, он стремглав понесся в сторону леса.

Сзади послышался шум погони; немцы завели заранее спрятанные в деревенских сараях мотоциклы и погнали диверсанта, как зверя на охоте, не прекращая пальбы. Алексей Дубинин еще никогда так быстро не бегал. Наверное, это было его лучшее время забега во всей его спортивной карьере. Сердце выпрыгивало из груди, легкие жгло огнем, но Лешка продолжал бежать.

Остановился он только тогда, когда звуки ревущих моторов окончательно стихли, а сам боец осознал, что заблудился. Парню понадобились почти сутки, чтобы отыскать обратный путь к своим.

* * *

– Сколько ходок за линию фронта вместе сделали – и ни одной царапины! Как я теперь без Яшки жить буду? Что его матери скажу? – снова зарыдал Лёшка.

Ремизов и Пантелей понуро стояли рядом, не зная, что сказать в ответ. Жив ли еще Яшка? Выдержит ли он допросы эсэсовцев? Эти невысказанные вслух вопросы набатом звучали у них в голове.

Глава 5

Спустя несколько дней после драматического разговора с отцом Мария снова оказалась в его кабинете, и теперь стояла перед ним, покорно опустив плечи, словно провинившаяся школьница, в ожидании окончательного вердикта, что ждет её дальше.

Совсем немного времени потребовалось Марии, чтобы убедиться в том, что Фридрих малодушно бросил её на произвол судьбы, как только узнал о беременности. Красавец – офицер в последнее время старательно избегал любых встреч с девушкой, а заметив издали, лишь сухо кивал и отворачивался в другую сторону, напуская на себя озабоченный, деловой вид.

Доктор Грубер сидел за большим письменным столом и что-то лихорадочно записывал в свой походный дневник, который он бережно хранил и никому не показывал. Мария нервно закусила нижнюю губу (ожидание затягивалось), но отвлекать отца не решилась.

Наконец, доктор Грубер закончил писать и отложил тетрадь в кожаной обложке в сторону от себя, на край стола. Затем он пристально, исподлобья, взглянул на стоящую напротив дочь.

– Решение принято, – жестко (словно пригвоздил) произнес он, обращаясь к Марии. – Сегодня же ты уезжаешь к мо-

ей тетке в Австрию. Я получил от нее письмо – тетя Бригитта согласна приютить тебя у себя в доме, а после рождения бастарда поможет пристроить его «в добрые руки».

В ответ Мария тихонько ахнула и даже попыталась что-то возразить, однако натолкнулась на испепеляющий, злобный взгляд отца и снова замолчала, уставившись в пол, выложенный узорным паркетом.

– Вот, держи, – Клаус Грубер протянул через стол довольно увесистый кошелек с деньгами. – На первое время. Не хочу, чтобы мою дочь считали нищей приживалкой, пусть даже ты этого и не заслуживаешь.

В качестве благодарности Мария сделала вялый книксен. Доктор Грубер окинул девушку скептическим взглядом с головы до ног. Вид у Марии был жалкий и какой-то несчастный. Казалось, что за последние несколько дней от сильных душевных переживаний она как-то резко подурнела.

Оба – отец и дочь – замолчали, не находясь, что сказать друг другу на прощание.

– Можешь уже идти, я тебя более не задерживаю, – довольно грубо прервал затянувшуюся паузу Клаус Грубер. – Через час, внизу тебя будет ждать машина, которая отвезет тебя на станцию железной дороги.

Мария кротко кивнула в ответ и безвольно поплелась к выходу, тихо затворив за собой тяжелую дубовую дверь. Между тем, доктор Грубер, разрешив личную проблему, незамедлительно переключился на более важные вопросы,

полностью погрузившись в свои дела. Выйдя из-за стола, он вслед за дочерью покинул свой мрачный кабинет и бодрым шагом направился по скрипучей лестнице вниз, в лабораторию.

Мария уже почти дошла до своей комнатки, расположенной в угловой части замка, как сообразила, что отцовский кошелек, так и остался лежать на письменном столе его кабинета. Несмотря на охватившие девушку чувство обиды и гнева на отца, прагматическая сторона ее характера взяла верх над душевным волнением – отказываться от солидной денежной суммы Мария не планировала. По этой причине, девушка развернулась и почти бегом направилась обратно.

Осторожно постучавшись и не получив ответа, Мария приоткрыла дверь в отцовский кабинет и заглянула внутрь. В помещении никого не оказалось, и Мария, осмелев, зашла в большую, пропахшую застарелой пылью комнату и направилась напрямиком к письменному столу.

Быстро обнаружив лежащий на видном месте потертый кожаный кошелек, девушка уже было протянула к нему руку, чтобы забрать, как она случайно заметила примостившийся на углу массивной столешницы дневник доктора Грубера.

Поддавшись внезапному импульсу, Мария схватила тетрадь и вместе с кошельком засунула ее себе под растянутую шерстяную кофту грубой домашней вязки, а затем, стремглав выскочила обратно в коридор. В этот момент девушка и представить себе не могла, к каким последствиям в будущем

приведет этот её спонтанный поступок.

* * *

Оберштурмбанфюрер Гаус наслаждался классической музыкой, успокаивая совершенно расшатанные нервы. Сидя в глубоком мягком кресле, он выстукивал маршевый ритм носком своего начищенного до блеска сапога. Как же ему надоело это злосчастное место!

Герр Гаус был мужчиной импозантным и большим любителем женщин, за что и пострадал, когда его очередной адюльтер с супругой одного уважаемого чиновника был весьма некстати рассекречен. Именно это обстоятельство и послужило причиной отправки оберштурмбанфюрера в эти богом забытые края.

В дверь настойчиво постучали, и в кабинет вошел доктор Грубер с плотной картонной папкой подмышкой.

– Это необходимо передать руководству: мой отчет о результатах последних исследований, – сразу перешел к делу Клаус Грубер, протягивая папку оберштурмбанфюреру.

– Машина уезжает через полчаса, – лениво наклонившись и взяв документы в руки, ответил герр Гаус. – Кстати, мне донесли, что Вы отсылаете свою очаровательную дочурку? Очень жаль, Вы окончательно лишаете нас приятного женского общества.

В ответ доктор Грубер лишь сердито поиграл желваками.

«Сволочь, наверняка знает и причину, и виновника, но молчит», – подумал он про себя.

– Присаживайтесь, – добродушно предложил оберштурмбанфюрер, указывая на соседнее кресло. – Расскажите, как продвигаются Ваши исследования.

– Всё весьма и весьма любопытно, – оживился профессор, оседлав своего любимого конька. – Под воздействием прибора происходит высвобождение психической энергии необычайной мощности, под влиянием которой начинаются необычные физические трансформации. Аппаратура фиксирует невероятное усиление мозговой активности, и если нам удастся отыскать правильную частоту и силу воздействия, то мечта Фюрера о создании сверхчеловека воплотится в действительности.

Герр Гаус, будучи человеком, совершенно далеким от науки, внезапно заинтересовался темой. Безусловно, теперь оберштурмбанфюрер был крайне заинтересован в успехе проводимых опытов, который открывал бы для него невероятные личные перспективы. Например, результаты исследований можно было бы выгодно продать американцам. Подавшись вперед, он раскрыл папку и начал с интересом просматривать отчет доктора Грубера, мучительно пытаясь разобраться в профессиональных терминах, которыми изобиловали документы.

– Если я не ошибаюсь, пациент во время последнего эксперимента не выжил? – пробормотал герр Гаус, перелисты-

вая страницы доклада.

– К сожалению, да, – шумно вздохнул доктор Грубер. – Судя по всему, искусственное ускорение функций мозга привело к существенным физическим перегрузкам человеческого организма.

– Что показало вскрытие? – не отрывая глаз от документов, спросил у него оберштурмбанфюрер. – Только не умничайте, объясните своими словами!

Профессор высокомерно поднял одну бровь, чувствуя в этот момент свое интеллектуальное превосходство над собеседником.

– Попробую Вам пояснить на примитивном уровне. Энергетический взрыв привел к тому, что мозги испытуемого превратились в подгоревшее желе. А вот с другими частями тела все обстоит гораздо интереснее. Я бы даже сказал – загадочно.

Эсэсовец резко обернулся к профессору, ожидая подробностей.

– Судя по всему, мозг отдал телу приказ на запуск всех процессов регенерации, причем в гиперускоренном темпе. Сравнительный анализ медицинских показателей, снятых до и после эксперимента, показал, что всего лишь за краткий промежуток времени (а эксперимент длился не более получаса), у сорокалетнего подопытного полностью исчез давнишний шрам от аппендицита. Состояние внутренних органов нашего испытуемого соответствует возрасту молодого

мужчины, не старше двадцати пяти лет. И это только видимые изменения. Мы взяли отборы проб, которые были сразу отправлены на химический анализ. Будем искать аномалии в крови и тканях, которые возможно дадут нам ответы, как тело под влиянием разума стало вырабатывать «эликсир молодости».

Глава 6

В ту ночь, когда Лёшка Дубинин вернулся из разведки один, без друга, заснуть не удалось никому. Лишь под утро измучившийся физически и душевно парень начал зевать и вскоре задремал, свесив голову себе на грудь.

– Ты, командир, тоже поспал бы пару часиков, – по-отечески заботливо проговорил Пантелей, обращаясь к Ремизову. – А я пока прогуляюсь тут рядышком, голову проветрю.

– Иди уже, а я здесь покараулю, – устало махнул рукой Юрий.

Чтобы справиться с одолевающим сном, Ремизов подошел к краю водопада, и, наклонившись, зачерпнул оттуда горсть воды в подставленные ладони. Кожу рук обожгло, будто ножом резануло – вода оказалась ледяной. Юрий тут же плеснул ею себе в лицо, а затем – еще раз. Сон – как рукой сняло. Когда Ремизов распрямился обратно, то Пантелея рядом уже не оказалось: сибиряк обладал исключительной способностью появляться и исчезать в пространстве, словно бестелесный лесной дух.

От нечего делать, Юрий достал из-за пазухи карту и в сотый раз начал прикидывать варианты маршрутов и расстояние до ближайшей германской границы. Увлечшись, он и не заметил, как пролетел целый час, и только звуки приближающихся шагов и чей-то сдавленный хрип вывели его из со-

стояния внутренней сосредоточенности.

Ремизов немедленно вскинул оружие наизготовку и боком прижался к внутренней стене грота, приготовившись к любой неожиданности. Словно почувствовав опасность, тут же проснулся Лёшка. Он приподнялся на одном локте, моргая спрσονья. Ремизов поднес указательный палец к губам, давая понять товарищу, чтобы тот соблюдал тишину.

Осторожно выглянув из-за угла, Юрий сквозь легкую предрассветную дымку тумана смог рассмотреть, как кряхтя, перебирается через каменную преграду Пантелей. Следом за ним волочился незнакомец в гражданской одежде – плотном шерстяном кардигане, надетом поверх рубашки, и широких брюках, заправленных в высокие стоптанные сапоги, – спотыкающийся на каждом шагу, но все же удерживающий равновесие на осклизлых мшистых камнях. Кисти его рук были туго связаны впереди крепкой веревкой, а во рту оказался большой тряпичный кляп, который Пантелей смастерил из своего запасного вонючего носка. Длинный конец веревки, связывающей руки пленника, был закреплен у Пантелея на поясе – таким образом, сибиряк мог свободно передвигаться сам, одновременно ощущая все, что происходит у него в связке за спиной.

– Принимай, командир! – довольным тоном отрапортовал Пантелей, кивая на немца, все-таки свалившегося в последний момент на землю, споткнувшись о большую корягу.

– Это ты удачно прогулялся! – присвистнул от удивления

Ремизов, подскочив к натужно мычащему сквозь кляп пленному немцу, волоком затаскивая его внутрь грота.

– У него тут, неподалеку, оказывается, силки были расставлены на рябчиков, – начал рассказывать Пантелей. – Смотрю: попался один, сидит, нахохлившись, под сетчатым колпаком. На ягоды польстился. Я – в укрытие, жду, когда охотник появится. Думал, что долго придется в засаде сидеть, а он – тут как тут.

С этими словами Пантелей снял сплеча и положил рядом с собой на каменный пол еще один трофей – старое охотничье ружье, реквизированное у пленного немца.

Ремизов одобрительно похлопал старшего товарища по предплечью, поздравляя с успешной вылазкой.

Между тем, пленный немец, извиваясь, предпринял отчаянную попытку отползти от диверсантов подальше, забившись в дальний угол каменного грота. Заметив это, Ремизов шагнул к нему и, сильно встряхнув, усадил, привалив спиной к стене. Вынув нож, Юрий с угрожающим выражением лица прижал его лезвие к шее пленника.

– Сейчас я вытащу кляп, а ты – только попробуй издать хоть один звук, – обратился к нему по-немецки Юрий, слегка надавив острием ножа на кожу в районе кадыка. – Ты меня понял?

Немец активно закивал, выпучив глаза от страха и молясь про себя о спасении.

Три товарища сидели на корточках и внимательно рассматривали схематический чертеж крепостных катакомб, набросанный пленным немецким охотником прямо на земле. Одновременно, Ремизов излагал свои соображения на тему, как вызволить из плена Яшку Зимина. Все понимали, что медлить было нельзя – с каждой минутой шансы на спасение раненого товарища становились все более призрачными.

– Все просто: заходим в подземелье вот здесь, – Юрий ткнул пальцем в точку, обозначенную, как вход. – Находим, где держат Яшку, и забираем его оттуда. Внутри крепости действуем по обстановке. Товарищ Дубинин – ты контролируешь вход в тоннель и готовишь на выходе из подземного лаза пару «растяжек», чтобы у нас была фора по времени на обратном пути, когда начнется преследование. Пантелей – ты выносишь Яшку из застенков, потому как ты у нас – силач, а парень наверняка сам идти не сможет. Я прикрываю ваш отход огневой поддержкой. Вот, собственно, и весь план. На всю операцию отвожу нам не больше пятнадцати минут, иначе – нам хана.

– М-да, чистой воды самоубийство, – подытожил Пантелей, задумчиво почесав жесткую трехдневную щетину на подбородке. – Если верить нашему пленному, то в крепости находится около двухсот ээсовцев, не считая гражданских.

А нас – всего трое.

– А я – поддерживаю! – бойко подскочил на месте Алёшка. – Яшка сделал бы для нас то же самое!

– Дурак ты, Лёшка! – сурово одернул его Пантелей. – Смерти ищешь раньше, чем положено.

– Давайте голосовать! – нетерпеливо перебил обоих Ремизов. – Кто «за» – поднимите руку.

* * *

С наступлением вечерних сумерек отряд диверсантов выдвинулся в направлении крепостных стен. Пленного немца товарищи взяли с собой, чтобы он вывел группу к потайному подземному ходу, спрятанному в чаще леса, окружающего подступы к крепости.

Во время допроса до крайности испуганный местный охотник быстро раскололся и рассказал, как можно незаметно и относительно безопасно проникнуть за крепостные стены. Оказалось, что в замок ведет старинный потайной ход, замаскированный так хорошо, что, не зная о нем доподлинно, можно было пройти мимо входа и ничего не заметить. Кроме того, немец утверждал, что подземный ход со стороны леса никем не охраняется.

– Я часто навещаюсь в замок, – сбивчиво и торопливо, словно, не успевая за собственными мыслями, пояснял охотник. – Герр Гаус – большой поклонник блюд из рябчиков,

поэтому я приношу туда, на кухню, свежие тушки. Иногда я остаюсь поболтать с караульными. Один из них однажды проговорился, что военные очень не любят спускаться в подземелье, а среди солдат ходят жуткие слухи о том, что там водятся злобные привидения.

– В этой крепости поселился сам дьявол! – в заключение своего рассказа прошептал немец с интонацией, в которой слышался неподдельный страх.

* * *

Лесной охотник довольно уверенно шел впереди, показывая дорогу, и пока попыток сбежать от своих конвоиров не предпринимал. Сразу за ним, буквально дыша ему в спину, следовал Пантелей, пристально следящий за тем, чтобы пленный проводник не выкинул какое-нибудь коленце.

Через несколько километров, впереди показались очертания сторожевой башни замка. Здесь немец вдруг резко свернул налево, уводя русских разведчиков в глубину леса в сторону от тропинки, ведущей к крепости.

Пантелей, не отстающий от него ни на шаг, грубо схватил пленника за шиворот и прошептал прямо в самое ухо:

– Куда ты нас ведешь?

– Мы пойдем в обход, чтобы нас не засекли с башни, – прошипел в ответ проводник, злобно косясь на Пантелея.

В ответ сибиряк неохотно выпустил немца из захвата и

слегка подтолкнул в спину, чтобы тот продолжил дальнейший путь.

Между тем, темная сентябрьская ночь окончательно вступила в свои права, окутав предгорья своей густой иссиня-чёрной вуалью. Лишь тонкая белесая полоска выглядывающего из-за туч месяца мерцала в вышине. Идти приходилось осторожно, чтобы ненароком не споткнуться за не приметную для глаз корягу или не наступить на сухие обломанные ветки деревьев, чтобы не наделать ненужного шума.

Через полчаса пешего перехода, охотник стал часто останавливаться, внимательно осматриваясь по сторонам – он искал одному ему известные ориентиры. Догадавшись, что они уже почти достигли конечной цели своего маршрута, разведчики еще больше сосредоточились и, не сговариваясь, взяли автоматы наизготовку.

– Вход – там, – наконец, односложно прошептал почти одними губами проводник, указывая рукой на небольшой, поросший густым кустарником пригорок, затерявшийся среди еловой поросли.

Ремизов взглянул в указанном направлении, но поначалу ничего не увидел. Тогда Юрий осторожно достал бинокль. Теперь он разглядел едва различимую, практически вросшую в земляной покров, деревянную дверь с проржавевшими от старости коваными петлями.

– А чем это здесь так мерзко воняет? – тоже шепотом задал ему вопрос Лёшка, подошедший сзади. – Как будто из

выгребной ямы.

И действительно – в ноздри неумолимо проникал отвратительный едкий зловонный аромат гнили.

– Ёшкин кот! – не удержался и выругался от неожиданности Пантелей, оступившись в темноте. – Да тут и вправду яма выкопана.

Остальные медленно, внимательно всматриваясь себе под ноги, подошли к нему поближе. В нескольких метрах от входа в подземный тоннель зияла глубокая воронка, навскидку – метра три в диаметре. Вонь распространялась прямиком оттуда. Не успели диверсанты сделать и шага в ее сторону, как внезапно ночную тишину прорезал скрипучий звук открываемой деревянной двери.

Ремизов скорее почувствовал, чем увидел, появившуюся в этот момент на лице пленного охотника ядовитую ухмылку. Не раздумывая и доли секунды, руководствуясь только природным инстинктом, Юрий вырубил проводника ударом приклада в основание шеи, а затем юркнул в ближайшее укрытие, упав на землю и затаившись.

Чуть приподняв голову, он осмотрелся по сторонам: Пантелея и Алёшки нигде не было видно – опытные диверсанты незаметно слились с окружающей местностью. Зато в неосвещенном дверном проеме у основания земляного пригорка показались две мужские фигуры. Перед собой они натужно толкали большую двухколесную тачку, нагруженную большими и явно тяжелыми мешками, небрежно перевязан-

ными бечевкой. Подъехав к краю земляной воронки, солдаты остановились и, подбадривая себя грубыми шутками, принялись сваливать туда свой груз. Один из мешков прорвался, когда солдат волоком подтаскивал его к краю ямы, и тут Ремизов к своему ужасу увидел, как оттуда вывалилась обугленная голова мертвеца.

С трудом уняв рвотный позыв, Юрий затаил дыхание и замер на месте, чтобы ничем не выдать своего присутствия. Теперь ему стало понятным назначение выкопанной в чаще леса ямы и источник ядовитого смрада – массовое захоронение.

Раздавшийся рядом тихий свист привлек его внимание. Чуть повернув голову в сторону, Ремизов заметил краем глаза, как укрывшийся за толстым корявым стволом многолетней ели Пантелей подает ему выразительные знаки руками. Ответив тем же образом, Юрий по-пластунски переместился вправо, быстро сокращая расстояние между собой и одним из эсэсовцев.

Тем временем, солдаты закончили выкидывать трупы и, отойдя подальше от ямы и отвернувшись от нее, закурили, лениво засунув руки в карманы.

Молниеносный бросок с места, подсечка, бросок через себя и тут же, из положения лёжа, удушающий прием – и вот уже один из солдат оказался на земле со свернутой шеей. Его напарник перед смертью успел издать лишь сдавленный стон, когда нож, выброшенный Пантелеем, впился ему точ-

но в кадык. Сибиряк в два прыжка подскочил к оседающему телу, подхватив его на руки и осторожно уложив на землю.

Ремизов поднялся на ноги, слегка отряхиваясь от прицепившихся к одежде еловых иголок. Пантелей в этот момент аккуратным движением выдернул нож из тела германского солдата, обтерев его о голенище своего ботинка.

– Куда мы их денем-то? В яму? – будничным тоном поинтересовался он у Ремизова.

– Только сначала амуницию позаимствуем. Их форма как раз мне и Лёшке впору будет.

– Дело говоришь, – одобрительно кивнул Пантелей и, присев перед еще теплым трупом одного из эсэсовцев на корточки, начал быстро стягивать с него одежду.

– Держи! – Пантелей бросил подошедшему Дубинину черный китель с накладными карманами.

– Что будем делать с охотником на рябчиков? – внезапно вспомнил о пленном немце Ремизов.

– В яму, – утвердительно произнес Лёшка.

Юрий вопросительно поднял брови. Он точно помнил, что всего лишь оглушил немца.

– Нам свидетели не нужны, – равнодушно пожал плечами Дубинин, натягивая на себя вражескую униформу.

Спустя несколько минут, закончив подчищать за собой, диверсанты, крадучись, переступили порог подземелья.

Глава 7

Доктор Грубер с некоторым облегчением проводил взглядом отъехавший автомобиль, увозящий прочь из замка так ужасно разочаровавшую его дочь Марию. Профессор даже не посчитал нужным выйти во двор, чтобы попрощаться с девушкой.

Отвернувшись от окна, как только машина выехала через арку крепостных ворот, он снова вернулся к насущным делам: ему не терпелось приступить к новому этапу эксперимента. Закончив с расшифровкой данных, полученных в результате предыдущей попытки, и сделав новые уточняющие расчеты в нагрузках, Клаус Грубер решительным шагом направился в сторону лестницы, ведущий в лабораторный блок.

В качестве подопытного доктор Грубер выбрал любопытный экземпляр – пленного русского, которого удалось схватить в результате удачно организованной засады в соседней деревне.

«Интересно, насколько интенсивно произойдет регенерация тканей при такой степени тяжести его ранений?», – рассуждал про себя профессор.

Оберштурмбанфюрер Гаус дал разрешение использовать этого солдата с некоторой неохотой, и только при условии, что во время эксперимента будет присутствовать его человек

– оберштурмфюрер Леманн.

– Вверяю этого упрямого русского Вашим заботам, доктор Губер, – с легким сарказмом произнес герр Гаус. – Возможно, Вам удастся то, чего не смогли добиться мои люди – заставить пленного говорить.

– Мой дорогой оберштурмбанфюрер! Ваши костоломы только и способны, что избивать арестантов и наносить им увечья. Совершенно не цивилизованный подход к допросу! – доктор Грубер разочарованно покачал головой.

– Помилуйте! – возмутился герр Гаус. – Мои офицеры – сущие дети по сравнению с Вашими медиками! По крайней мере, мы не вскрываем им черепную коробку, чтобы покопаться в их мозгах или подключить к ним электроды.

Брр! – оберштурмбанфюрера Гауса всего передернуло только при одном воспоминании о том, как выглядят заключенные после того, как доктор Грубер заканчивает с ними заниматься своими исследованиями.

– Отбросим полемику в сторону, – примирительно произнес профессор. – Не забывайте: мы с Вами – в одной лодке. А теперь я должен Вас покинуть: дела не ждут. Очередная фаза эксперимента назначена на сегодня, ближе к полуночи.

С этими словами, доктор Грубер, исполненный чувством собственного достоинства, покинул кабинет начальника гарнизона – ему еще предстояло многое сделать за оставшиеся несколько часов.

Доктор Грубер считал себя человеком педантичным буквально во всем, поэтому, проходя мимо помещения морга и заметив, по его мнению, непорядок, он скривил лицо в недовольной гримасе.

– Эрих, сколько раз я должен напоминать вам, что неиспользуемые трупы не должны храниться более двух суток! – повелительно прокричал он одному из своих помощников в распахнутую дверь лаборатории. – Найдите пару ленивых олухов, чтобы они прибрались здесь.

Его помощник – невысокий сухопарый мужчина в белом халате нараспашку, с узким лицом, чем-то напоминающим крысиную мордочку, незамедлительно бросился выполнять поручение профессора, которого он буквально боготворил, считая современным гением.

Сделав замечание, доктор Грубер прошел в лабораторию, где уже всюду суетились остальные его сотрудники. По-хозяйски осмотревшись, профессор приступил к загрузке системы.

В коридоре раздался шум, и через минуту в помещение вошли два дюжих молодца, волочившее повисшего у них на руках мужчину в одном исподнем белье. Его голова безвольно упала на грудь и моталась из стороны в сторону при каждом шаге конвоиров. Бинты, которыми были обмотаны его

раны на ноге и бедре, обильно пропитались кровью.

– Куда его? – грубо спросил один из солдат.

– Несите его в соседнее помещение и сажайте в медицинское кресло, – разволновался доктор Грубер, указывая на соседнюю дверь.

Солдаты снова поволокли раненого в указанном направлении, а профессор с помощниками засеменил следом за ними.

– Итак, давайте посмотрим, – профессор, слегка наклонившись вперед, поднял одними пальцами голову подопытного за подбородок.

Мужчина, уже пришедший в сознание, с трудом разлепил веки и исподлобья посмотрел на доктора Грубера мутными, налитыми кровью глазами. Все его лицо представляло собой один огромный багровый синяк – следствие проводимых допросов.

– Как Вы себя чувствуете? Вы понимаете, где Вы сейчас находитесь? – начал заинтересовано задавать вопросы профессор, оценивая состояние своего пациента.

– Иди к чёрту, фашистская сволочь! – прохрипел мужчина и смачно плюнул доктору в лицо.

Профессор инстинктивно откинулся назад и, достав из кармана белоснежный накрахмаленный носовой платок, брезгливо вытер с лица кровавую слюну. Не глядя, он протянул использованный платок своему помощнику:

– Выбросьте это немедленно.

– Ну что же! Полагаю, что испытуемый вполне готов к эксперименту, – подытожил доктор Грубер. – Эрих, готовьте инъекцию. Приступаем к вживлению электродов.

* * *

Состояние осенней меланхолии оберштурмфюрера Фридриха Леманна, в котором он пребывал с самого утра, сменилось отчаянным раздражением, виной которому явился приказ оберштурмбанфюрера.

Следует признаться – Фридрих с детства боялся вида крови, поэтому он старался всячески отлынивать от участия в допросах с пристрастием, и уж тем более, не был готов наблюдать за извращенными опытами доктора Грубера.

Фридрих догадывался, что внезапно проснувшийся у старшего по званию офицера интерес к науке, вызван исключительно меркантильными соображениями. Совсем недавно он случайно подслушал в приоткрытую дверь кабинета герра Гауса обрывки разговора, состоявшегося между оберштурмбанфюрером и доктором Грубером: речь шла о некоем фантастическом научном прорыве в области управления человеческим сознанием. И вот теперь, оберштурмбанфюрер Гаус желал лично контролировать ход исследований, а всю грязную работу, естественно, поручил младшему офицерскому чину.

Одернув форменный китель и смахнув с плеча мелкую

пылинку, Фридрих быстрым шагом направился по коридору в дальний конец замка, а оттуда спустился к входу в подземелье по узкой щербатой лестнице, зажатой между двух вековых каменных стен. Оберштурмфюрер опаздывал: эксперимент уже начался.

Караульный, услышав шаги, гулко отдающиеся от каменных сводов, подскочил на месте и, распрямившись, отдал офицеру честь, вскинув руку и пролаяв «Heil!», после чего торопливо отпер решетку и пропустил Фридриха внутрь.

Сразу повеяло холодом, отчего оберштурмфюрер непроизвольно поёжился. Подземные помещения замка, конечно же, не отапливались; воздух здесь был влажный и спертый, пахло мышиным пометом и химикалиями, отчего сразу стало трудно дышать. Секунду помедлив, Фридрих решительным шагом направился дальше, вглубь слабо освещенного тоннеля по направлению к лаборатории, которая располагалась в дальнем его отсеке.

Сразу же за первым поворотом Фридрих буквально налетел на долговязого солдата, неожиданно вынырнувшего из-за угла. Тот, низко опустив голову, пробормотал едва слышные извинения и отступил в сторону, пропуская офицера.

Леманну такое поведение показалось странным. Сделав пару шагов вперед, Фридрих остановился и резко развернулся обратно.

– Как твое имя, солдат? – повелительно окрикнул парня Фридрих. – Что за неуставное поведение?

Вместо ответа, солдат, мгновенно сгруппировавшись, неожиданно бросился на него с неизвестно откуда появившимся ножом в руке. В глазах нападавшего сверкала такая бешеная ярость, что в первое мгновение Фридрих опешил, едва успев увернуться от сверкнувшего прямо перед его лицом клинка.

* * *

Нырнув внутрь подземного хода, диверсанты оказались в длинном нешироком тоннеле, сумрачном и сыром, каменные стены которого, местами покрытые застарелой плесенью, низко нависали над головами людей.

Дорогу освещали себе небольшим фонариком, позаимствованным у мертвых эсэсовских солдат. Луч света спугнул какое-то зверье, спрятавшееся в щели под потолком: товарищи внезапно слышали шум крыльев и странный тонкий писк.

– Летучая мышь, – предположил Пантелей, следующий замыкающим группы.

– А они кусаются? – напряженным шепотом спросил Лёшка.

– Тсс! Двигаемся молча! – шикнул на него Ремизов, недовольно обернувшись и для наглядности погрозив кулаком.

Идти приходилось все время в гору: лаз начинался у подножия замка, метрах в пятистах от крепостных стен, и по-

степенно забирал вверх. Наконец, впереди забрезжил свет мигающей электрической лампочки. С этого момента нужно было быть начеку – диверсанты вышли из тоннеля и добрались до крепостных казематов.

Пантелей без лишних объяснений, остановился и полез в рюкзак, доставая оттуда гранату и принадлежности для подготовки ловушки, а переодетые немцами Ремизов и Лёшка Дубинин двинулись дальше с целью обыскать подземелье и найти своего товарища.

Сразу за поворотом коридор раздваивался: основной тоннель шел прямо, а по левой стороне его ответвление заканчивалось коротким тупиком, в котором из распахнутой настежь двери лился яркий электрический свет, и слышались чьи-то возбужденные громкие голоса.

Ремизов замер и прислушался: речь изобиловала специфическими терминами, смысл которых Юрий не понимал. Сделав знак рукой Лёшке, чтобы тот не двигался, Ремизов подкрался к двери и осторожно заглянул внутрь: посреди скопления многочисленных непонятных приборов, мигающих ламп и проложенных кабелей перемещались гражданские в белых медицинских халатах. Один из них (судя по всему главный) – солидный немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и обширной лысиной на макушке, стоял напротив небольшого, вделанного в стену окна, за пультом с большим количеством различных кнопок и рычагов. Перед собой он держал бумаги с какими-то записями, с

которыми он, то и дело, сверялся. Было очевидно, что здесь располагалась научная лаборатория. Военных поблизости не наблюдалось, что Ремизов счел добрым знаком.

Не увидев в помещении никого, кто хотя бы отдаленно напоминал Яшку Зимина, Ремизов отпрянул назад и махнул рукой Лёшке, делая знаки двигаться дальше по основному коридору.

Пропустив напарника вперед, Юрий подергал первую же попавшуюся по пути дверь за ручку – та легко поддалась. Ремизов заглянул внутрь: в нос тут же ударил до боли знакомый тошнотворный запах – помещение подозрительно напоминало прозекторскую. Внутри оказалось пусто: только отполированные металлические столы, медицинские каталки и множество непонятных склянок. Юрий сообразил, что именно отсюда солдаты и оттащили на свалку мешки с мертвыми телами. Ремизов прикрыл дверь обратно, тихо повернув ручку так, чтобы замок не щелкнул.

Ушедший вперед Лёшка уже проверял следующую дверь: она оказалась заперта. С внутренней стороны послышались тихие стоны. Лёшка нетерпеливо отодвинул в сторону небольшую металлическую планку, закрывающую смотровое окошко, вделанное в верхнюю половину двери, и заглянул через него в помещение.

– Что там? – прошептал ему на ухо бесшумно подошедший Ремизов.

– Темно, ничего не видно, – тоже шепотом ответил Дуби-

нин и осветил в щель фонариком.

Электрический луч побежал по внутренней стене и выхватил из темноты очертания человеческой фигуры, полулежащей на голом каменном полу, с руками, прикованными к толстому железному кольцу, вделанному прямо в стену. Лёшка осветил ему в лицо: мужчина сощурился, отворачиваясь от слепящего в глаза света фонарика. Свет побежал дальше – еще один человек, сжавшийся в комок и подтянувший колени к тощей груди, лежал спиной к входу на металлической койке в углу помещения.

– Яшка, ты здесь? – прошептал в открытую дверную щель Дубинин.

В ответ он услышал лишь новые стоны и неразборчивое бормотание.

– Нужно открыть эту чертову дверь, здесь пленные! – Лёшка яростно засверкал глазами и полез за ножом, чтобы попытаться взломать замок.

Ремизов настороженно оглянулся по сторонам. За поворотом раздались уверенные мужские шаги – к ним навстречу кто-то неуклонно приближался. В один прыжок, подскочив к Лёшке, Юрий молниеносно захлопнул задвижку смотрового окошка.

– За мной! – одними губами прошептал Ремизов товарищу и тут же метнулся к незапертой двери прозекторской, скрывшись за ней.

Лёшка замешкался всего лишь на долю секунды, и это из-

менило всё.

* * *

Из-за поворота вышел высокий молодой офицер в форменной фуражке, он явно торопился и буквально налетел на не успевшего спрятаться диверсанта. Лёшка запаниковал и не сообразил, что он притворяется солдатом, а значит – офицеру требуется отдать честь. Этого оказалось достаточным, чтобы эсэсовец заподозрил подвох, и когда тот окликнул Лёшку, то парню не оставалось ничего другого, как пойти в атаку.

Перехватив нож, Дубинин бросился на офицера, намереваясь перерезать ему горло. Однако тот успел уклониться от выпада – лезвие прошло в нескольких сантиметрах от незащищенной воротничком шеи немца. Когда секундный шок прошел, офицер среагировал мгновенно, отразив следующий бросок Лёшки блоком выставленной и согнутой в локте руки, а затем и сам перешел в контратаку, вцепившись диверсанту в плечо и пытаясь вывернуть ему руку с оружием.

Дубинин сделал последнюю отчаянную попытку вырубить противника, полоснув офицера ножом, но всего лишь разрезал ему рукав кителя. С силой оттолкнув от себя противника, немецкий офицер успел выхватить из кобуры «Вальтер Р38» и с бедра, не целясь, несколько раз выстрелил в прыг-

нувшего на него Лёшку.

С такого близкого расстояния промахнуться было практически невозможно: пули попали Лёшке в грудь и живот. Смертельно раненый Дубинин замер на одно мгновение, опустив глаза вниз, недоуменно рассматривая раны, а затем рухнул, как подкошенный, прямо под ноги немецкому офицеру.

* * *

На шум борьбы уже бежали солдаты гарнизона: караульный, услышав выстрелы, вызвал подкрепление. Из дверей лаборатории испуганно выглядывали ученые.

Фридрих Леманн с отвращением взглянул на мертвое тело и, спокойно переступив через него, сделал несколько шагов навстречу негодующему доктору Груберу.

– Что, чёрт побери, здесь происходит? – разъяренно выпалил профессор. – Оберштурмфюрер, Вы не только опоздали к началу эксперимента, но еще и решили сорвать его ход?!

– Прошу прощения, но у меня имеется уважительная причина – меня только что пытались убить, – сохраняя видимость невозмутимости, ответил Фридрих. – Между прочим, неизвестно, сколько еще врагов проникло в замок.

Фридрих тут же отдал несколько приказов запыхавшемуся полноватому унтер-офицеру, стоящему рядом навтыжку, выкатив от усердия глаза: следовало незамедлительно

обыскать все помещения подземелья. Гарнизон был поднят по тревоге, по лестнице уже гулко топали армейские ботинки бегущих вниз солдат.

– Фридрих, Вы думаете – это за этим подопытным русским пришли его товарищи? – немного остыв, нервно поинтересовался у офицера доктор Грубер.

– Вполне возможно, – пожал плечами оберштурмфюрер. – Кстати, а где он сейчас?

– В изолированной камере, – профессор кивком указал в сторону тупиковой ветви тоннеля. – Я слежу за ним из смотрового окна лаборатории. Сфера уже работает, и я не намерен из-за какого-то там саботажа отключать приборы.

Глава 8

В глубине души Фридрих считал, что начальство недооценивает его способности. Вот и теперь, вместо того, чтобы руководить операцией по поимке русских диверсантов, он должен был впустую тратить время в лаборатории.

Проследовав за доктором Грубером, который тут же забыл о его присутствии в помещении, оберштурмфюрер занял позицию ближе к входной двери, периодически поглядывая за происходящим в коридоре.

Неожиданно его внимание привлек быстро прошагавший мимо солдат с сосредоточенным выражением лица, а затем в коридоре поблизости раздался тихий хлопок, и погас свет. Внутреннее чутье подсказало Фридриху, что это – не случайность.

Оберштурмфюрер Леманн уже второй раз за последние полчаса вытащил пистолет из кобуры и передернул затвор, а затем скользнул в темноту.

* * *

Воспользовавшись массовой неразберихой, царящей в коридоре, Ремизов выскользнул из своего укрытия. Теперь он точно знал, где находится Яшка, и намеревался довести начатое дело до конца, хотя бы ради так глупо и несправедливо

погибшего товарища – Лёшки Дубинина. Из подслушанного разговора между немецким офицером и руководителем лаборатории Юрий понял, что нацисты используют Яшку, как подопытного кролика, и это происходит прямо сейчас. Действовать нужно было немедленно, на раздумья времени не оставалось.

Не скрываясь, войдя в образ рядового солдата германского Вермахта, Ремизов уверенно зашагал мимо раскрытой двери в лабораторию в направлении тупиковой ветви подземного тоннеля в поисках входа в камеру пыток. Он уже увидел перед собой крепкую стальную дверь, запертую снаружи.

Вытянув рукав форменного кителя, защитив тем самым руку, сжатую в кулаке, Ремизов одним резким ударом разбил лампочку над дверью, погрузив и без того скудно освещенный аппендикс тоннеля в темноту. Схватившись обеими руками за большое металлическое колесо – маховик, Ремизов начал с усилием проворачивать его против часовой стрелки, спеша попасть внутрь – его могли в любой момент обнаружить.

Наконец, затвор окончательно вышел из удерживающих его пазов, и Юрий дернул дверь на себя. Тяжелая бронированная дверь с трудом поддалась, приоткрывшись ровно настолько, чтобы протиснуться в образовавшееся пространство. В этот самый момент в затылок Ремизову уперлось пистолетное дуло.

Старший лейтенант медленно поднял руки вверх и, получив недвусмысленный приказ отойти от двери, сделал шаг назад.

Немецкий офицер, считая себя в выигрышном положении, недооценил противника. Резко присев и развернувшись, Юрий со всей силы дернул немца за обе ноги, отчего тот, не удержав равновесие, начал падать. Прыгнув на противника сверху, Ремизов придавил его одним коленом, а затем, перехватив руку с пистолетом, впечатал ее в каменную стену. Фридрих от удара выпустил оружие, и «Вальтер» отлетел в сторону. В ответ немец жестко саданул Юрия по ребрам, одновременно пытаясь сбросить с себя. Недолго думая, Ремизов с размаху дважды ударил Фридриха в челюсть, отчего тот ненадолго отключился.

* * *

Юрий вскочил на ноги и рванул дверь на себя. Немец к этому времени уже пришел в себя и не собирался упускать своего противника. Моментально поднявшись с пола, Фридрих бросился вдогонку за Ремизовым, который уже успел заскочить внутрь герметичной камеры.

Оказавшись внутри, в первый миг оба мужчины остолбенели, не веря своим глазам.

В центре погруженного во мрак помещения располагалось большое медицинское кресло, в котором полулежал креп-

ко связанный по рукам и ногам человек, наполовину скрытый большой, быстро крутящейся полусферой, излучающей во все стороны яркое радужное свечение. Одновременно со всех сторон раздавались странные, потусторонние звуки.

Хотя лица мужчины и не было видно, Ремизов был абсолютно уверен – в кресле находился Яшка. Под воздействием неизвестной силы, его тело выгибалось дугой, сотрясаясь в невообразимых конвульсиях.

Внезапно, уши заложило и стало трудно дышать. Звуки усилились, проникая глубоко в мозг, вызывая нестерпимую головную боль. Фридрих непроизвольно схватился за голову, закрывая уши обеими руками, но звуки все равно преследовали его.

Преодолевая себя, испытывая жуткую боль сразу во всем теле, Ремизов бросился прямо к креслу.

Поднырнув под основание сферы, Юрий попытался растегнуть кожаные ремни, удерживающие пленника. Яшка Зимин, весь утыканный иголками и опутанный проводами, смотрел прямо на Ремизова стеклянными глазами, в которых уже не было жизни. Юрий, стиснув зубы, продолжил попытки освободить друга. В голове звенело и бухало, перед глазами поплыли круги. Руки тряслись до такой степени, что Ремизов не мог с ними справиться.

Фридрих, заметив, что его противник пытается освободить пленного, заставил себя действовать. Рывком он бросился за русским бойцом, следом за ним поднырнув под ку-

пол прибора, ухватив Ремизова за плечо. На большее сил не хватило – сфера поглотила и его, полностью лишив воли и словно высосав всю энергию.

Последнее, что запомнили и Ремизов, и Леманн, перед тем, как сознание их окончательно покинуло, а сердцебиение остановилось, это полыхающие вспышки нестерпимо яркого света, исходящие из сферы, пронизывающие их насквозь.

* * *

Сознание вернулось внезапно.

Юрий почувствовал себя парящим почти под потолком камеры, видя свое бездыханное тело как будто со стороны. Рядом он ощутил еще чье-то присутствие. Юрий сосредоточился на этой мысли, и уже через мгновение перед ним появилось уже знакомое ему лицо немецкого офицера. В подсознании неожиданно возникло имя – Фридрих. Тот тоже пришел в себя и недоуменно озирался вокруг.

Радужное сияние сферы потухло – доктор Грубер, наблюдавший все это время за происходящим в опытной камере, торопливо выключил аппарат и теперь бежал сюда со всех ног из соседнего помещения лаборатории.

– Мы в раю?

– Наверяд ли. По-моему, мы все еще в подземелье. Смотри – мы с тобой там, внизу. А вот к нам бегут врачи – такие смешные, когда наблюдаешь сверху.

– Так странно видеть себя со стороны. Интересно, а можно посмотреть поближе?

Словно в ответ на этот мысленный запрос, сознание переместилось, и теперь в фокусе оказались испуганные физиономии профессора и его помощников, склонившихся над телами двоих бойцов. Один из них, приложив пальцы к шее немецкого офицера, пытался нащупать у него пульс.

Юрий перевел взгляд на кресло, в котором все еще находился Яшка Зимин. Его товарищ был совершенно точно мертв, а его голова сморщилась и усохла так, что узнать Яшку уже было практически невозможно.

Ремизов посмотрел на собственное тело: «Башка – на месте, целая, руки, ноги – тоже, глаза закрыты. Я сплю. Мне все это снится».

– Если это сон, то я предпочел бы проснуться, – раздалось у Юрия в мозгу. Немец словно прочитал его мысли.

– Как ты думаешь, мы все еще живы?

– Не знаю... наверное. Мы же с тобой общаемся каким-то загадочным образом.

Ремизов замолчал, мучительно пытаясь осмыслить происходящее. Сознание категорически отказывалось воспринимать идею, что разум двоих совершенно разных людей неожиданно синхронизировался.

– Эй, что это они с нами делают? Куда вы нас несете? – внезапно разволновался Фридрих, обращаясь к суесящимся внизу ученым.

Юрий сфокусировал свое внимание на происходящем: их с Фридрихом тела подняли с пола и уложили на медицинские каталки. Раздался приказ – везти их на срочное вскрытие. В мозгу раздался отчетливый сигнал тревоги.

– Вот, чёрт! Кажется, они считают нас мертвыми.

С этими словами Ремизов, потихоньку начавший догадываться, как управлять своим новым сознанием, усиленно сконцентрировался на одной единственной мысли: нужно сейчас же вернуться в собственное тело.

«Я жив», – повторял Юрий, словно заклинание, одни и те же слова. Внезапно в мозгу что-то ярко вспыхнуло, словно взорвалась граната, а вслед за этим вернулась боль, пронзив всю его сущность подобно удару электрической молнии.

* * *

Эрих, помощник доктора Грубера, с некоторым усилием толкал перед собой тяжелую медицинскую каталку, направляясь к двери прозекторской. Вдруг, тело мертвеца содрогнулось в ощутимых конвульсиях. Ассистент профессора от неожиданности вздрогнул и остановился прямо посередине коридора.

Эрих на практике еще никогда не сталкивался с таким необычным физиологическим явлением, как посмертные судороги. Обойдя каталку сбоку, он подошел к трупку поближе и взял его за безвольно свисающую с края тележки ру-

ку, чтобы уложить ее обратно на поверхность. В этот самый миг, рука неожиданно ухватила Эриха за горло, сжав с такой неистовой силой, что он начал задыхаться и захрипел.

Перед тем, как окончательно потерять сознание от охватившего его ужаса, ассистент доктора Грубера увидел, как оживший покойник внезапно широко раскрыл глаза и отчетливо произнес: «Я жив».

* * *

Доктор Грубер пребывал в полнейшем замешательстве. Этой ночью эксперимент не просто вышел из-под контроля – произошло нечто невероятное, фантастическое.

Нечаянно оказавшиеся в эпицентре излучения сферы, на самом пике её мощности, русский диверсант и оберштурмфюрер Леманн испытали клиническую смерть, а затем снова ожили. Их следовало немедленно и обстоятельно изучить.

К большому сожалению профессора, оберштурмбанфюрер Гаус, внезапно почтивший своим присутствием ученую обитель после того, как ему доложили о чрезвычайном происшествии, не позволил доктору Груберу оставить у себя Фридриха. Критически осмотрев оберштурмфюрера Леманна с головы до ног, и получив его эмоциональные заверения в том, что он прекрасно себя чувствует и снова готов служить, герр Гаус решил, что его офицеру нечего больше делать в лазарете.

– Вам вполне будет достаточно одного русского для исследований! – заявил он профессору непрекаемым тоном. – А Вы, Фридрих, следуйте за мной! Я жду от Вас подробного доклада о том, что произошло сегодня, и как Вы умудрились это допустить.

Вскинув руку в нацистском приветствии, Фридрих бодро замаршировал следом за начальником гарнизона, в глубине души испытывая искреннюю признательность за то, что тот вытащил его из этой преисподней.

Бросив недовольный взгляд вслед уходящим офицерам, доктор Грубер развернулся и направился обратно в лабораторию.

Пленный русский разведчик лежал посредине помещения без сознания, привязанный к больничной койке. Ожив, он оказал отчаянное сопротивление, когда его попытались обездвижить, проявив при этом недюжинную силу. Скрутить диверсанта удалось только благодаря лошадиной дозе успокоительного, которую исхитрился вколоть ему один из помощников профессора, выстрелив дротиком с транквилизатором.

– Когда он очнется, чтобы мы смогли приступить к исследованию его мозга? – деловито спросил доктор Грубер у одного из своих ассистентов.

– При той дозе наркотика, которую мы ему ввели, полагаю – примерно через полчаса.

– Ну что же, коллеги. Давайте готовить инструменты, –

удовлетворенно произнес профессор, в предвкушении потирая друг о друга ладони.

Отвернувшись от заключенного, доктор Грубер сел за рабочий письменный стол и начал сосредоточенно записывать свои последние наблюдения, поэтому он не увидел, как пленный русский диверсант пришел в себя и пристально наблюдает за ним, незаметно приоткрыв глаза.

Глава 9

Выйдя из наркотического забытья, Ремизов тут же обнаружил, что он крепко пристегнут наручниками к койке, и самостоятельно освободиться вряд ли получится. Однако сдаваться без боя, старший лейтенант не планировал.

Скосив глаза вбок, Юрий рассмотрел лежащий на прикроватном столике стальной поднос с разложенными на нем хирургическими медицинскими инструментами. Требовалось совсем немного – высвободить правую руку – и тогда он мог бы дотянуться до этого подноса. А дальше – уже дело техники. Однако Юрий отдавал себе отчет в том, что любое резкое движение сразу привлечет к себе внимание, и тогда немцы догадаются, что он пришел в сознание.

«Интересно, а фрица этого – Фридриха – они тоже здесь держат или, как своего, отпустили?», – вдруг пришло в голову Ремизову. Сам не зная, зачем, он мысленно обратился к немецкому офицеру и неожиданно получил ответ.

* * *

Фридрих стоял навытяжку перед своим начальником, рассказывая ему небылицы о том, как его разум на время отделился от тела, и что он установил ментальную связь с русским диверсантом.

Оберштурмбанфюрер Гаус смотрел на него, как на умалишенного, со смесью раздражения и жалости.

«Все-таки герр Грубер отомстил Фридриху за поруганную честь дочери, хотя и невольно. Этот юноша подавал такие большие надежды, а теперь стал идиотом», – рассуждал про себя оберштурмбанфюрер, исподлобья разглядывая Фридриха.

В подтверждение его слов, молодой человек внезапно схватился за голову – он явно только что испытал пронзительный приступ боли. Затем его губы беззвучно зашевелились – Фридрих разговаривал с кем-то невидимым. Так продолжалось целую минуту.

Оберштурмбанфюрер Гаус рывком поднялся из кресла, в котором он только что сидел, развалившись и закинув ногу на ногу.

– Фридрих, мальчик мой! Тебе плохо? Что этот фанатик с тобой сделал? – встревоженно спросил он, обеспокоенно заглядывая оберштурмфюреру в глаза, и слегка встряхнув молодого человека обеими руками за плечи в попытке привести его в чувство.

– Все в порядке, – мотнул головой Фридрих, словно освобождаясь от наваждения. – Прошу меня извинить, оберштурмбанфюрер, но мне срочно нужно выйти.

С этими словами, Фридрих Леманн круто развернулся и вышел вон из кабинета начальника гарнизона, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

– Полагаю, что нам пора приступать к операции. Позовите сюда солдат, чтобы они переместили пациента на хирургический стол, – приказал доктор Грубер, натягивая на руки медицинские перчатки. – Проверьте, пришел ли в себя наш подопытный.

К Ремизову тут же подошел один из ассистентов профессора и, наклонившись, приподнял рукой одно его веко, посветив фонариком. Юрий непроизвольно сощурился от бьющего в глаз света. Медик развернулся к доктору Груберу и утвердительно кивнул головой.

К койке протопали несколько эсэсовцев. Ухватив Ремизова по двое за руки и за ноги, они отстегнули ремни и начали приподнимать диверсанта, чтобы переложить на поблескивающую металлическую поверхность операционного стола.

Юрий резко задергался, выгибая спину и пытаясь вырваться из удерживающего его захвата. Солдаты с силой навалились на него, вцепившись в конечности мертвой хваткой. Доктор Грубер застыл в некотором отдалении, наблюдая за разыгрывающейся сценой. На его лице отразилось нетерпение.

Солдаты уже почти справились с задачей, водрузив брыкающегося и отчаянно матерящегося Ремизова на стол; ассистент профессора заходил сбоку с заранее подготовленным

шприцем, чтобы сделать инъекцию.

В этот момент в помещении было слишком шумно, чтобы вовремя слышать прозвучавшие в тоннеле хлопки одиночных выстрелов.

* * *

Фридрих был абсолютно спокоен и сосредоточен. Он уверенно шагал по коридору в сторону подземных катакомб, одновременно просчитывая в голове сотни вариантов дальнейшего развития событий. В опущенной руке Фридриха уместился «Вальтер», снятый с предохранителя.

Спустившись по лестнице вниз, он знаком указал караульному открыть входную решетку. Тот бросился исполнять.

Сделав шаг внутрь, Фридрих мгновенно вскинул руку, выстрелил караульному в упор между глаз и, не сбавляя темпа, двинулся дальше по коридору.

Из подсобной каморки ему навстречу вышел один из младших помощников доктора Грубера. Фридрих снова, не целясь, выстрелил; пуля вошла точно в сердце.

Фридрих торопился. В мозгу непрерывно пульсировала установка: освободить Юрия.

Впереди за закрытой дверью лаборатории раздавались громкие возгласы. Оберштурмфюрер Леманн рванул на себя дверную ручку и с хода, не раздумывая, произвел серию прицельных выстрелов, уложив наповал троих солдат, удерживавших дверь.

живающих русского диверсанта.

Дальше Ремизов уже справился самостоятельно. Сгруппировавшись, он мощно ударил растерявшегося солдата ногой в грудь, отчего тот отлетел в сторону, где его и настигла очередная пуля, выпущенная из пистолета Фридриха. Схватив все еще стоящего рядом ассистента профессора за руку и вывернув ее под углом, Юрий вогнал иглу шприца ему в шею, попав прямоком в сонную артерию. Мужчина задергался, схватился за шею, пытаясь остановить фонтанирующую кровь, а затем обмяк и свалился под стол.

Фридрих, опустошив пистолетную обойму, уже успел вставить новую, и передернул затвор. Еще двое помощников профессора в панике заметались по лаборатории в попытке спрятаться за лабораторные шкафы.

– Леманн, Вы сошли с ума! – выкрикнул срывающимся на фальцет голосом один из них.

В ответ Фридрих сделал пару шагов навстречу и, вытянув перед собой руку с оружием, расстрелял обоих ученых, не оставив им никакого шанса на спасение.

Наклонившись над убитым солдатом, оберштрумфюрер поднял с пола его автомат и подбросил Юрию. Ремизов легко поймал его левой рукой и перекинул ремень через плечо.

Между тем, доктор Грубер стоял в центре помещения, даже не пытаясь бежать, и взирая на разразившийся кровавый хаос со странным выражением лица, в котором сквозило скорее восхищение, чем испуг.

– Боже, какая сила, какая экспрессия! – фанатично бормотал он. – Мы даже не мечтали о таком результате!

Легко спрыгнув со стола, Ремизов молниеносно подскочил к доктору Груберу. В его руке сверкнуло острое лезвие скальпеля.

Резко развернув профессора к себе спиной, Юрий приставил лезвие к его горлу.

– Советую не двигаться, и даже не дышать! – угрожающе прорычал Ремизов.

– Сейчас ты меня убьешь? – с удивительным хладнокровием задал ему вопрос доктор Грубер.

– Позже. Сначала ты признаешься, что за эксперименты вы здесь проводите.

– Умоляю, расскажи мне, что ты испытывал там, внутри Сферы? Ты ведь чувствуешь, что стал другим? – умоляющим тоном забормотал профессор, обращаясь к Ремизову.

Он даже попытался развернуться к русскому диверсанту лицом, невзирая на впившийся в горло острый скальпель.

– Я ДОЛЖЕН это знать перед тем, как умру! Я вижу: теперь ты и Фридрих психоэнергетически взаимосвязаны. Ты одной лишь силой мысли заставил его повиноваться своей воле. Как ты это делаешь?! – доктор Грубер пребывал в состоянии, близком к эйфории: его безумная теория подтверждалась.

Ремизов неожиданно зажмурился: мозг пронзила вспышка боли, виски сжало спазмом. Юрий выпустил профессора

из захвата, оттолкнув его от себя. Разжав руку, Ремизов выронил скальпель, который со звоном упал на каменный пол.

Доктор Грубер попятился назад, однако быстро уперся в стену.

– Ты хочешь знать, как я это делаю? Тогда смотри, тварь!

Встретившись с Юрием взглядом, профессор по-настоящему испугался – в глазах Ремизова бушевало пламя.

Между тем, Фридрих заинтересованно наблюдал за происходящим, стоя полубоком к входу в лабораторию с пистолетом наизготовку, не забывая поглядывать в коридор.

Прикрыв глаза, Ремизов отдал мысленный приказ.

Доктор Грубер внезапно услышал настойчивый зов. Починившись ему, профессор, словно подталкиваемый кем-то невидимым, деревянной походкой зашагал навстречу Юрию.

Наклонившись и подобрав с пола оброненный скальпель, он снова распрямылся и, замерев на долю секунды, резким широким движением полоснул себя по горлу, глубоко разрезав его от уха до уха. Кровь хлынула из зияющей раны нескончаемым потоком.

Доктор Грубер умер почти мгновенно, так и не раскрыв тайны человеческого сознания.

* * *

Взгляд Ремизова снова стал осмысленным, боль, распирающая череп, отступила.

– Уходим отсюда, – коротко бросил он Фридриху, утирая тыльной стороной ладони капающую из носа кровь.

Немец, бросив полный отвращения взгляд на окровавленное тело профессора, молча развернулся и осторожно выглянул в коридор, оглядевшись по сторонам.

Пока все было тихо – вековые каменные стены каземата заглушили звуки выстрелов. Повернув голову в сторону Юрия, он кивком дал понять, что путь свободен. Затем Фридрих шагнул в темноту коридора и тут же внезапно остановился, как вкопанный. Прямо в живот немцу уперлось дуло автомата.

– Руки вверх! – шепотом произнес низкий мужской голос с выраженным славянским акцентом.

Фридрих расширил глаза от удивления: перед ним стоял коренастый крепкий мужик средних лет, в полевой форме советского диверсанта.

– Так, значит, вас было четверо, – констатировал Леманн очевидный факт.

– Пантелей! – не удержался от восклицания появившийся сразу же вслед за Фридрихом Ремизов, и его лицо мгновенно просветлело при виде боевого товарища.

– Юрка! А я уж, грешным делом, и не верил, что кто-то из вас в живых остался, – радостным шепотом ответил сибиряк. – Решил переждать, пока фрицы по подземному ходу набегаются, а потом уходить, напоследок взорвав здесь все к чёртовой матери. Крадусь, значит, по тоннелю, и вдруг слы-

шу выстрелы. Вот и поспешил на выручку.

– Может быть ты, наконец, скажешь своему другу, чтобы он опустил оружие, – вклинился в разговор Фридрих, выразительно косясь на приставленный к нему автомат.

– Само собой, – кивнул Ремизов и сделал Пантелею знак, чтобы тот убрал оружие. Сибиряк неохотно подчинился.

– Идем налево, через подземный ход, – он махнул рукой, указывая в сторону уходящего во мрак тоннеля.

– Только не туда! Там ждет засада. Я все просчитал: мы выйдем через кухню первого этажа, – резко возразил ему немец.

Ремизов испытующе посмотрел на Фридриха, а затем согласен кивнул.

«Так вот какой дар достался тебе! Предвидение», – подумал про себя Юрий.

«Теперь ты тоже знаешь. Видения возникают у меня в голове сами собой, проносятся, будто кадры киноленты», – раздался в подсознании голос Фридриха.

«Тогда ты понимаешь, что мы должны сделать».

«Рычаг взрывателя спрятан наверху. Я проведу вас к нему».

* * *

Пантелей недоуменно переводил взгляд с Юрия на Фридриха и обратно.

Между ними что-то происходило, не доступное пониманию обычного человека, некий молчаливый диалог, понятный только им двоим. Наконец, придя к какому-то внутреннему знаменателю, оба молодых человека, не говоря ни слова, развернулись и быстро зашагали по направлению к лестнице, ведущей из тоннеля наверх в замок. Сибиряк бросился их догонять с автоматом наперевес.

– Товарищ старший лейтенант!

– Что? – резко обернулся Юрий через плечо, не прекращая бег.

– Хочу узнать, какой у нас план действий.

– Ты же сам сказал – взорвать здесь все к чёртовой матери!

Глава 10

План действий пришлось придумывать прямо на ходу.

Со слов Фридриха, подземелье замка было заминировано и готово к подрыву на случай вражеского наступления: уникальные секретные изобретения, принадлежащие Третьему рейху, не должны были попасть в руки врага. Рычаги взрывателей были установлены в двух точках: помещение карательной во внутреннем дворе крепости и в замаскированной нише перед самым выходом из подземного входа. Тротиловая взрывчатка была заложена в основании каменных колонн, удерживающих фундамент первого этажа замка, а также внутри канализации. Планировалось, что после взрыва стены замка должны будут обрушиться, и подземелье будет полностью погребено под тоннами каменных обломков.

Подрыв требовалось произвести, одновременно активировав оба взрывателя, поэтому импровизированная команда диверсантов решила разделиться. Пантелей добровольно вызвался вернуться обратно в катакомбы и найти в подземном тоннеле спрятанную подрывную машинку.

– Вот зараза! – Ремизов внезапно хлопнул себя ладонью по лбу.

– Какие-то проблемы? – недоуменно вздернул бровь, обернувшийся к нему Фридрих.

– Мы забыли про заключенных. Нужно сейчас же выпу-

стить их из камер.

– С твоей стороны это будет большой ошибкой, – поморщился немец.

– Как же так? Это же живые люди! – возмутился Юрий.

– Они в любом случае погибнут, ты не сможешь их защитить. Те, кого содержат в этих застенках, сильно ослаблены. Они не смогут самостоятельно передвигаться, и уж тем более – держать оружие. Наши солдаты расстреляют их, не успеют заключенные подняться наверх. А вот у нас – есть реальный шанс, и я не собираюсь его упускать.

Ремизов застыл на месте. В глубине его лучистых серо-голубых глаз отражалась мучительная внутренняя борьба.

Пантелей хорошо понимал, какие чувства сейчас испытывает молодой старший лейтенант. Ему было искренне жаль парня, которому предстояло принять, возможно, первое в его жизни тяжелое, даже жестокое, решение, с которым ему придется жить дальше.

– Нам пора, старший лейтенант, – мягко произнес Пантелей, дружески похлопав Ремизова по плечу.

На прощание Пантелей рукой перекрестил Юрия к большому неудовольствию последнего, а затем неслышно исчез за поворотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.